

ВЯЧЕСЛАВ СОФРОНОВ

ОДИБИРИАДА

Путь
диких
гусей

Сибириада. Собрание сочинений

Вячеслав Софронов

Путь диких гусей

«ВЕЧЕ»

1993–1996

Софронов В. Ю.

Путь диких гусей / В. Ю. Софронов — «ВЕЧЕ», 1993–1996 — (Сибириада. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4484-7082-0

Широка, щедра и привольна Сибирская земля, неисчислимы и разнообразны ее дары. От века не знал этот край вкуса крови и запаха смерти, пока не явились с полуденной стороны сильные и жестокие степняки-сарты под предводительством молодого и честолюбивого хана Кучума, что буквально означает «пришлый». В противоборство с ним вступает тоже молодой и отважный хан сибирцев Едигир... Роман «Путь диких гусей» известного сибирского писателя Вячеслава Софронова является первой частью трилогии о великом хане Кучуме, вписавшем в историю Сибири не одну яркую страницу.

ISBN 978-5-4484-7082-0

© Софронов В. Ю., 1993–1996

© ВЕЧЕ, 1993–1996

Содержание

От автора	6
Пролог. Длинное перо орла	7
Книга первая. Путь диких гусей	9
Дорога в два чакрыма	9
День сломанной подковы	21
Упавшее перо ворона	25
Свист длинного копья	28
Зеленый узор предательства	38
Холод глубокой воды	46
Ночь двух дыханий	51
Лицо жадного огня	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Вячеслав Юрьевич Софронов

Путь диких гусей

© Софронов В.Ю., 2018

© ООО «Издательство „Вече“», 2018

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2018

От автора

Сибирь – это русская Америка...

Но русские открыли Сибирь раньше, нежели Колумб проплыл через Атлантику и первые переселенцы ступили на новый континент.

Одновременно с русскими первопроходцами в Сибирь устремляются завоеватели из Средней Азии. Они все еще считают ее подвластной Золотой Орде и диктуют свои условия как вассальному ханству. Но молодая династия Тайбугинов, вышедшая из местной знати, не желает признавать своей зависимости от Бухарского ханства. Почти каждый год происходят стычки между пришельцами из степей и сибирскими воинами.

В 1555 году сибирские ханы Едигир и Бек-Булат отправляют грамоту к московскому великому князю Ивану IV Грозному, в которой признают себя данниками Москвы и просят помощи в войне со степняками. И хотя Иван Васильевич тут же прибавил к своим прочим регалиям звание «князя Сибирского», но помощи не последовало.

Через несколько лет в Сибирском ханстве уже правила иная династия – Шейбанитов, берущих свое начало от хана Шейбана, брата Батыя, возглавляет которую на сибирском престоле хан Кучум. Им же в Сибири окончательно и бесповоротно насаждается ислам.

Судьба хана Кучума трагична и загадочна. Но об этом пойдет речь в следующей книге, которую автор готовит в настоящее время. А пока вниманию читателей на страницах исторического романа предлагаются события, происходившие на берегах Иртыша и Тобола четыре с половиной столетия назад.

Все представленные в книге герои – реальны. Реален и народ, который жил на этих землях, давший новому правителю прозвище – Кучум. Ведь в переводе с татарского это – «пришелец», «переселенец», «кочевник» и т. д.

Событиям, предшествующим походу Ермака, и посвящена эта книга, книга о прошлом нашего народа.

Анастасии и Марине посвящается

Пролог. Длинное перо орла

Необозримы владения царя птиц – степного орла. От Алтайских гор до сибирской тайги угодя его. Всяк зверь и птица платят дань ему. Он царь. Он владыка. Он хозяин. Скользит его тень по степным просторам... Прячется в страхе зверье. Умолкают пичуги.

Нет у него врагов. Нет у него друзей.

Многие годы на жизнь даны. С рожденья питается он мясом и кровью и не знает иной пищи. А иссякнут силы и умрет по-царски, рухнув с поднебесья камнем на землю. Но умрет непобежденным, не опозоренным...

Знает степной орел границы своих владений и никогда не нарушит их. Лишь однажды из любопытства пересек незримую черту и углубился в тайгу. Уселся на вековую сосну. Огляделся. Отдышался...

Глядь, а перед ним гнездо. Там птенцы пищухи орут. Не успел орел о худом подумать, как налетело на него откуда ни возьмись малое птичье воинство. И на царя птиц накиннулись, за жизнь свою не страшась! Орут! Пищат! Норовят ущипнуть гордого орла. И каждая пичуга мечет на него свой помет.

Что может быть унижительнее для царя?! Поднялся он с ветки, разметал лесных птиц и заспешил обратно в степь без оглядки.

Долго очищал орел вонючий помет с перьев своих... И уже никогда не залетал в таежные просторы. В степи он царь, а в лесу... посмешище. Сто мышей и льва одолеют...

Жмутся в лесу звери друг к дружке. И нет более крепкого братства. Только сильный зверь в одиночку живет.

В сибирских урманах¹ возле самой кромки воды попрятались незаметные землянки рыбаков и охотников. Снуют, как мураши, меж вековых деревьев. Загоняют зверя. Луцат рыбу на отмелях. Ставят силки на птицу. Тем и сыты...

Давно пришли они в эти края. Зовут себя сибирями.

А где их родина? Старики рассказывают, будто давным-давно пасли они скот в Великой степи и владели ею безраздельно... Но пришел злой народ вслед за солнцем и победил сибиров. Убежали они в темные леса, забрались в болота.

Долго шли в полуночную сторону вслед за весенними птичьими стаями. По глухому урману шли от реки к реке, от озера к озеру, пока не достигли нынешних своих владений.

И с тех пор зовется тот путь – Путь диких гусей...

Многие умерли в Сибирской земле от коварных болезней, зимних морозов, от дикого зверя. Но кто выжил, тот стал хозяином новой земли.

Женщины нарожали им детей, из них вышли воины. Стали смело глядеть они в полуденные страны, откуда изгнаны были.

И однажды налетели оттуда узкоглазые и кривоногие всадники на низкорослых конях, с тугими арканами у седла. Великое множество их навалилось на сибирцев. Не одолеешь...

Кто поднял против них оружие – убили. Молодых девок к себе забрали. Остальным сказали: «Вы теперь подданные Великого Кагана Чингиза. Будете дань платить и воинов в войско его слать. Заслушание – смерть!»

Так стала Сибирь задворками Джучиева улуса. Влилась в Орду...

Но однажды развалилась Золотая Орда, как пиала, упавшая на камень. Отделилось и Сибирское ханство. Обустроило свою столицу Кашлык-Искер. Стали у сибирцев свои ханы. Были среди них и добрые и злые. То народ помнит, да не всякому расскажет. А более других

---

¹ Урман – темнохвойный, чаще еловый или пихтовый, лес в Западной и Восточной Сибири.

памятен для Сибири хан по прозвищу Кучум, что означает «пришелец». Вот о нем и пойдет речь.

Книга первая. Путь диких гусей

Дорога в два чакрыма

До Кашлыка осталось два хороших перехода. Протяни руку – достанешь. Но нет сил... Нет желаний... Будь проклята эта страна!

Падают от усталости кони. Не смотрят друг на друга воины. Устали... Нет сил отогнать от себя проклятых комаров. Сказать слово. Выругаться. Сплюнуть горечь изо рта.

Кони утром не идут к хозяину. Нукеры не желают вставать, не хотят седлать коней и весь день трястись в ненавистном строю.

Как ненавистны всем потертые седла! Боль от одного взгляда в седло! Болят стертые ягодицы. Язвы в паху. От комаров чешется все тело. Слезятся глаза. Гной капает вместо слез. Соль и песок во рту. Не ворочается язык – будто огромная рыбина во рту.

У пищи нет запаха. Все пропахло мочой и потом. Никто давно не слезал с коня, чтобы помочиться.

Тяжело...

Нудно...

Больно...

Кони не боятся ни крика, ни удара плетки. Подковы стерлись в осиновый лист. Истончилась подпруга. Солью проедены до дыр потники, Вся шкура в проплешинах. Хвосты в колючках. С удил капает желтая слюна с кровью.

«ПИТЬ – ПИТЬ – ПИТЬ...» – несется над сотнями непрерывный вздох. А воды кругом море! Вода в реках. В речушках. В болотах.

От сибирской воды у воинов пучит брюхо. Со страшными проклятиями катаются они по изумрудной траве, орут зверем, проклиная все вокруг.

Плохая страна! Дрянная страна! Подлый народ!

Все погано!

Все гнусно!

Все паршиво!

Будь проклят день, когда они согласились пойти в набег!

Где обещанные богатства?!

Где красивые девки?! Где сражения?!

Их обманули! Заманили в болота!..

Все держатся из последних сил.

У всех искусаны губы от ненависти. Ненависти на весь мир.

Трость любого – зазвенит, как тетива на луке.

Надави – разбегутся. Лопнет строй. Рассыплется. Кинутся грабить селения, убивать, насиловать.

Неимоверными усилиями удерживают юзбаши² строй. Сыплют ругательства, грозят карами, смертью.

Смертью? Да кому она сейчас страшна?! Смерть! Ха! Пошла она кобыле под хвост! Дай вина! Дай баб!

Бешенство у каждого в глазах!

Бе-шен-ст-во!!!

---

² Юзбаши – сотник (тюрк.).

Ненавидят нукеры юзбашей. Ждут случая поквитаться.

Припомнить обиды.

Ох, как мечтает каждый раскроить череп ненавистному начальнику! Выкрутить руки! Завязать тело узлом! Заткнуть орущую пасть сапогом! Выпустить кишки! Выдавить выпученные глаза! Разорвать на части!

Сброд, а не войско! Где хан набрал таких?! Звери! Отбросы с базаров Бухары...

У хана свои планы. Он такой же изгой, как они.

Одинокая фигура у вечернего костра. Будто обгорелый пень торчит, не шелохнется. Глядит на огонь.

Он собрал войско. Он привел их сюда. Он тот кол, вокруг которого ходят, как жеребцы на привязи, все нукеры и юзбаши. И шейхи, идущие следом. Он завязал хитрым восточным узлом всех их в один узел. Весь этот сброд у него в кулаке.

В случае удачи они его вознесут и прославят. В случае поражения – разорвут конями. Помочатся на останки. Он это знает. Знает, чем рискует – головой. Свою голову он поставил на кон. Вместо денег. Их у него нет. Он сын бухарского правителя Муртазы. Младший сын. Но нет у него своих улусов. Нет верных нукеров. Нет жен. Нет наложниц. Нет табунов... Даже имени нет. Имени, которое звучало бы гордо. Имя дают за отвагу, за хитрость, за ум, за коварство, за богатство.

Его имя – Кучум.

Странное имя. Не имя, а шипение змеи.

Свист стрелы, ударившей в тело.

Ку-у-у! – воют глухим февралем голодные волки.

Чу-у-у! – тянет поземка из темного леса.

М-м-м! – набычив рогатые головы, скрипят из урмана сохатые.

Нет в имени ласки, нет добра, нет света. Только страх, испуг.

Он – чужак на этой земле.

Ку-чу-м!

Он – враг этой земле.

Ку-чу-м!

Он – наместник Аллаха на этой земле.

Ку-чу-м!

Оно – и имя, и прозвище, и путь земной.

Ку-чу-м!

Судьба его – судьба странника. Перекати-поле. Великое поле Золотой Орды.

Он ее колос. Ее семья. Семья рода великого Чингиза.

Почка от ветки Шейбани-хана. Внук хана Ибака. Сын Муртазы.

«Хан?! Ха-ха-ха!!! – ржали в лицо его братья. – Ты пес шелудивый! Ублюдок, рожденный от простой девки! Твое место на помойке с такими же шелудивыми псами и шакалами. Радуйся, что тебе оставили жизнь, ханский выкормыш. Все самые жирные объедки – твои! Ха-ха-ха!!!»

Он жил волчонком при дворе отца. Он вырос волком, матерым, свирепым. Теперь он вожак стаи волков-людоедов.

Он ведет свою стаю в набег на сибирских баранов. Он будет им ханом. Сибирским. Великим. Единым. Он будет их рвать! Резать! Рубить! Жечь! Топтать! Он отомстит за подлое убийство своего деда Ибака. Он убит тут, на этих болотах.

Нет, он найдет в себе силы дотянуться до Кашлыка! Всего два хороших перехода... Всего... И самозванные братья, влезшие на ханский холм, будут ползать у его ног, лизать его сапоги, целовать его следы. Они будут молить – молить о пощаде.

Он возьмет все и сразу. Так всегда на Востоке решают судьбу престола. Один укол кинжала – и ханский престол перед тобой.

Братьев-самозванцев он привяжет к хвосту старого мерина. Пусть все плюют в их поганные морды. Все! Иначе самих в петлю! Всех! Каждого!..

Нынче идет год Великой Змеи. Год Мудрой Змеи. Хитрой. Коварной. Он долго ждал этого года. Ох, как долго! Два года назад он совершил хадж в Мекку, к храму Каабы. Он был на празднике Курбан-байрам. Теперь каждый правоверный мусульманин должен звать его почтительно – хаджи. Кучум-хаджи!

Он слал караваны в Сибирское ханство. Караван-баши по возвращении доносил ему обо всем, что там происходит. На то ушли деньги от продажи кобылиц, которых крал со своими нукерами у богатых и ленивых братьев. Ночью, вырезая пастухов и охранников.

Аллах на его стороне. И имамы великой Бухары тоже. Им нужна Сибирь. Вслед за его воинами сюда хлынут толпы шейхов-миссионеров. С каждого они возьмут по монетке – за рождение, за свадьбу, за смерть. А вместе будут горы, возы монеток. Все это вольется в сокровища Бухары.

Они опередят русских черных попов. Им не видать Сибири как своих ушей. Он, Кучум, принесет сюда истинную веру пророка Магомета. Имамы помогли ему собрать несколько сотен для набега. Они послали с ним шейхов.

Впереди их сотен идет караван. Они крадутся тайно следом. Ночью. Они – стая ночных хищников. Они чувствуют добычу и неслышно подберутся к ней. Проскользнут тихой тенью до Кашлыка.

Кучум едет впереди с караваном. Спит в седле. А ночью встречает свои сотни, неслышно проходящие мимо. Копыта коней обмотаны тряпьем. Ни разговоров, ни шорохов.

И сегодня он сидит в ожидании своих сотен на берегу тихой речушки. Спят недалеко купцы, а он лишь устало прикрыл глаза. Руки заняты своей работой – ломают тонкие веточки, бросают их в костер. Они живут сами, независимо от хозяина, большие и грубые, в шрамах и ссадинах. Руки работника, воина.

Огонь костра высвечивает лицо узкоскулого, отягощенного заботами человека. Тонкие резко очерченные губы... Небольшая рыжеватая борода. Широкие надбровья, и на них узкая полоска черных бровей. Массивный и властный подбородок как бы тянет лицо вниз. И как две степные дороги – две глубокие морщины через лоб. Бритая голова, покрытая чалмой паломника. Штопаный и грязный дорожный халат. А под ним стальная паутинка кольчуги. Она, как вторая кожа, всегда на нем. И днем и ночью.

У пояса небольшой кинжал, обычный, незатейливый. На безымянном пальце бронзовый перстень. На нем – падающий на добычу ястреб, со сложенными крыльями и распушенным хвостом. Единственная память о матери. Знак ее рода. Древнего рода, идущего от Мухамед-шаха.

Хан ждет. Ждет вестей. Скоро прискачет башлык³ Алтанай и его племянник Сабанак. Ненадолго присядут и обратно к сотням. И у них в глазах все тот же вопрос: «Когда?» «Сколько еще таиться?!»

Сабанак первый раз идет в набег. Горяч, неопытен, суетлив и смешлив, как девушка. Он, Кучум, не любит таких. Не доверяет. Подведут в трудный момент, дрогнут. Но Сабанак терпит. Из-за Алтаная.

С башлыком ему повезло: предан и бесхитроsten. Этот не предаст. Все скажет в глаза, ничего не утаит. Они знакомы давно и даже дружны. Алтаная не нужны деньги. Он их тратит сразу, не задумываясь. На женщин, на вино, раздает друзьям. Зато любит войну. И сам напросился в набег.

---

³ Башлык – начальник боевого отряда, атаман; часто – командир личной охраны хана (тюрк.).

Кучума зовет ханом. Пусть зовет. Все равно он станет ханом, И Алтанай поможет ему в том. Воины боятся башлыка. Только глянешь на его обнаженную грудь, расписанную шрамами, как минарет узорами, чтоб понять, с кем имеешь дело.

Вчера Алтанай доложил о двух провинившихся воинах. Кучум вспомнил, как задрожали губы у Сабанака. Верно, и с ним не все чисто. Да дядька покрывает. Пусть.

Два кипчака накануне отлучились во время дневки в соседнее селение. Вернулись к вечеру. Алтанай, узнавший о том, рассвирепел. Чуть не порубил подлецов. Стоит сибирцам пронюхать про их сотни и... все! Навалятся всей силой и задавят без жалости.

Но воинов у башлыка отбили земляки, заступились. Приказал юзбаши, чтоб посадил тех на казан с кипятком. Выполнит ли?

Кучум презрительно скривил губы, вспомнив хитрые лисьи глазки кипчаков, которые, как шакалы на падаль, лезли в любой набег. Лишь бы пожива была побогаче. А потом спускали все в первом катране до последней нитки. Псы! Шакалы! Продажное племя!

«Два перехода! Всего два перехода! – шептал как заклятье Кучум. – А потом я с ними со всеми рассчитаюсь! Будут помнить меня! Будут...»

Наконец послышался едва уловимый топот конских копыт по тропинке, что вела к костру.

Хан тихо вздохнул; «Наконец-то едут!» Сладко потянулся. Потом, после разговора, можно и чуть вздремнуть до близкого рассвета.

Он повернул голову в ту сторону, откуда должны были показаться всадники. Но его чуткое ухо различило, что всадников не двое, а больше. Значит, кто-то еще едет с Алтанаем и Сабанаком?

«Неужто что-то случилось?» – подумал Кучум. Он постоянно находился в напряжении, и нехорошие предчувствия не оставляли его. Уж очень гладко пока все шло, за исключением небольших происшествий.

Он неторопливо поднялся с земли и повернулся лицом к леску, откуда должны были появиться всадники.

На берег речки выскочило несколько верховых. Двое первых чуть задержались, поджидая остальных. Всего их оказалось пятеро.

Что-то тихо сказав друг другу, они направились к костру, охватывая его полукругом.

Кучум лишь в первый момент растерялся, но тут же сообразил, что это враги. Кинулся к лежащей на попоне сабле. Успел схватить ее и даже наполовину вытянуть из ножен, как был сбит бросившимся на него сверху здоровенным воином.

– Держу его, сволочь! – злорадно закричал он сверху, подминая хана под себя. Но Кучум выкрутился из-под него и сумел ткнуть рукояткой сабли прямо в дышащий какой-то тухлятиной рот мужика. Тот взвыл от боли и ослабил хватку. Этого хватило Кучуму, чтоб вскочить, выхватить саблю из ножен и рубануть с отяжкой по шее сбившего его с ног мужика... Тот упал, не охнув.

Кучум обогнул костер, пытаясь пробиться к речке. Но с другой стороны на него наезжал с опущенным вниз копьем второй всадник. Увернувшись от жала копья, Кучум упал боком на землю, несколько раз перекатился по мокрой траве прямо под ногами у лошади.

«Кто же это?! Кто? – лихорадочно работало сознание. – Сибирцы? Не похоже. Нет, то скорее всего свои, из моих отрядов. Псы! Предатели!»

Сбоку на него налетел третий всадник, пытаясь затоптать конем. Кучум громко ухнул на лошадь и ударил ее по морде, саблей плашмя... Конь, не ожидавший этого, взвился на дыбы, сбросил всадника и наметом ушел в темноту.

– Кто такие?! – заорал Кучум, получивший небольшую передышку. – Из какой сотни, сука?

– Сам сука! – заорали нападающие в ответ. – Сейчас ты нам за все заплатишь! Сучий потрох! Хан сраный!

Кучум успел сбежать по склону вниз к речушке, но дальше начиналась осока высотой по пояс, растущая на здоровенных кочках. Сделав несколько шагов, он запнулся и упал. Тут-то и настигли его преследовали. Один из них прыгнул на спину, вывернул руку, вдавил в землю. Подоспели и остальные, принялись дубасить по голове, по ребрам, пинали ногами, стараясь попасть в пах. Кучум застонал, обмяк и больше не сопротивлялся.

Его поволокли по склону наверх, бросили к костру, уперев в грудь острие копья.

– Где деньги, что ты обещал нам за поход? Говори, сучья морда! – заверещал прямо ему в лицо один из бандитов. Его гнусавый и вздорный, как у бабы, голос выдал его происхождение.

«Кипчаки! ⁴ Они, опять они взбунтовались! Подлые скоты!» – утвердился в своем предположении Кучум.

Тем временем гнусавый выхватил из костра головню и со смехом поднес к лицу пленного. Искры посыпались Кучуму прямо на лоб и заставили поднять левую руку, заслоняясь от них.

– Не нравится? Да? – заржал гнусавый. – Сейчас мы тебя чуть поджарим, а потом поговорим по душам.

– Чего вы хотите?

– Деньги! Обещанные тобой деньги!

Кучум обвел их взглядом и понял, что выхода нет. У караван-баши была небольшая сумма, оставленная на черный день. На самый черный день. Неужели этот день настал? Но и умирать из-за нескольких сотен монет не хотелось.

– Хорошо, вы получите деньги. Они у купцов в караване. Идемте к ним.

– Ишь чего захотел! – осклабился мужик в темном стеганом халате с рыжей бородашкой. – Мы поведем тебя туда, а там охрана. Нет, мы не дураки!

– Так что же вы предлагаете? – Хан сел на землю, отодвинувшись от головни.

– Скажи, у кого деньги, и мы приведем его сюда.

– Деньги у караван-баши. Но когда завтра остальные воины узнают, что вы похитили их... они же вас из-под земли достанут. Разорвут.

– Не твое дело, бухарский пес! – Ткнул его копьем гнусавый прямо в грудь. Однако копьё уперлось в кольчугу и лишь слегка задело Кучума. – Мы идем к каравану, а ты, Улмас, будешь сторожить его, – приказал гнусавый молодому парню. – Если чего не так, руби сразу, не задумываясь.

И они торопливо скрылись в темноте, оставив Кучума на попечение одного лишь безусого парня.

«Хвала Аллаху, что я на время оттянул развязку. Уж с этим-то юнцом я как-нибудь совладаю...» – Кучум внимательно пригляделся к своему охраннику, стоящему рядом с зажатой в руке кривой саблей.

Тот был ужасно худ и высок ростом. В набег, должно быть, пошел первый раз и не вырабатал в себе еще той жестокости и злобы, присущей бывалым воинам, прошедшим полжизни в сражениях.

Но у Кучума не возникло к нему ни жалости, ни злости. Как к дереву, которое необходимо срубить для костра. Его просто требовалось убить и все. Он был для него неодушевленным предметом.

Кучум подобрался, напряг тело для броска, подтянув под себя ноги, затем неожиданно крикнул, выкинув вперед руку:

– Эй! Кто там?! Гляди! – указал за спину парня.

---

⁴ Кипчаки (половцы) – тюркоязычный народ, живший в степях между Иртышом и Доном.

Тот в растерянности повернулся назад, и тут же Кучум был на ногах, выхватил из костра ближайшую к нему головню, огрел ею своего стража по голове. Парень закричал от боли, прикрыв голову руками, и выронил саблю. Кучум тут же подхватил ее с земли и с громким воплем рубанул кипчака по голове наискось. Безумные глаза уставились на Кучума, рот раскрылся в последнем крике. Выбросив руки вперед, он сделал неверный шаг, словно ища поддержки у того, кто мгновение назад лишил его жизни.

– Мама... – прошептал парень и упал лицом вперед, так и не дотянувшись до Кучума растопыренными пальцами. Легкая дрожь сотрясла его, дернулись раскинутые ноги. Молодое тело не желало отпускать из себя жизнь, но смерть была сильнее.

– Эх ты, воин, – невнятно проговорил хан, с презрением взирая на убитого, – и таких сосунков я набрал в набег?... Сидел бы дома со своей мамкой. Мама... дождется она тебя, – с неожиданной злостью закончил он и в сердцах плюнул на еще теплый труп, отвернулся от него и бросил на землю чужой клинок.

Взглянул на собственные ладони, вспотевшие и подрагивающие, как от неожиданного прикосновения к притаившейся в густой траве лягушке. Вытер их о полы халата, еще раз плюнул на землю, освобождая рот от накопившейся злости и горечи, и направился к реке.

Но уже с полпути вернулся, нашел в траве свою саблю, помедлив, подхватил копье, бросил взгляд на лук и колчан со стрелами, но не стал их брать и так, вразвалку, медленно побрел к журчащей внизу мелкой речной протоке.

Он смачивал водой руки и прикладывал их надолго ко лбу, щекам, отирая шею, плеснул на грудь, охлаждая тело. И только теперь до него стало доходить, что чудом остался жив. Пока жив. Но вскоре вернуться от караван-баши грабители и постараются разделаться с ним. Кучум усмехнулся, представляя, каковы будут их лица, когда увидят у костра еще один труп, труп их сообщника, и так же неспеша пошел через осоку наверх.

Костер, предоставленный самому себе, почти прогорел и медленно умирал, выбрасывая из пепла синеватые языки. Взгляд Кучума невольно остановился на убитых, и он подумал, что убивать легко, но трудно потом разглядывать дело своих рук, вспоминать подробности, видеть густую кровь, к цвету которой никогда невозможно привыкнуть.

Только тут он заметил, что мокрое от воды лицо облеплено противно гудящими комарами, мошками, высасывающими его кровь. Они как бы мстили за ту кровь, пролитую им. Вновь вспыхнула злоба на этих мелких кровопийц, по-своему покушающихся на его жизнь, незаметно, исподволь забирающих через малюсенькие хоботки-кинжалы алую кровь, чтобы потом, насытившись, взлететь отягощенными и к утру умереть, погибнуть при первых лучах солнца, отдав его кровь изумрудной траве.

Кучум провел ладонью по лицу, смахивая ненасытных кровопийц, и услышал глухие удары копыт из-за леса. «Слава Аллаху, наконец-то Алтанай с племянником!.. Где их шайтан носит?»

Но на всякий случай отошел в ближайший березовый лесок и едва спрятался за деревьями, как ударили тяжелые капли ночного дождя.

На поляну выскочили два каурых жеребца, высокие в холке, тяжело поводя впалыми боками. Всадники закрутили головами, не обнаружив у костра того, на встречу с кем они ехали.

– Что-то случилось, баран меня забодай! – выругался широкий в плечах Алтанай, повернувшись к племяннику. Тут они увидели трупы и торопливо соскочили с коней, нагнувшись над убитыми.

Лишь после этого Кучум покинул свое укрытие и вышел к костру.

– Где вас носит? Собачьи дети! – проговорил зло, проходя мимо них.

– Беда, хан, кипчакская сотня взбунтовалась! Пока усмиряли, вот и припозднились малость.

– Малость... – передразнил башлыка Кучум и рассказал обо всем, что тут произошло.

– Все верно, хан: пятеро сбежали. Но кто знал, что они кинутся именно сюда...

– Кто знал, кто знал!.. Зарезали бы меня, как овцу на бишбармак, а вы бы и ухом не шевельнули. Ладно, пока еще сам могу за себя постоять...

– Идет кто-то, – неожиданно перебил его Сабанак, указывая в сторону, где расположился купеческий караван.

– Это они, – кивнул головой Кучум, – за мной возвращаются. Спрячься там в кустах, – приказал Алтанаю, – взять живыми. А ты, – указал Сабанаку, – бери саблю и делай вид, будто караулишь меня.

Кучум вернулся к костру и занял то положение, в каком оставили его ушедшие к каравану грабители. Сабанак встал рядом с саблей в руке.

Вскоре шаги стали отчетливее, и на узкой тропинке показался торопливо идущий человек. Но выходить из леса он не стал, а остановился, прислушиваясь к чему-то и внимательно приглядываясь к фигуре Сабанака.

Кучум скосил глаза в его сторону и понял причину беспокойства: тот смотрел на коней, оставленных башлыком и племянником.

Наконец, тот решился окликнуть своего сообщника и тихонько спросил:

– Эй, Улмас, у тебя все в порядке?

Сабанак повернулся к нему и махнул рукой, предлагая подойти поближе. Но пришелец так и не решился подойти ближе к костру, а наоборот, попятился назад и так же негромко сообщил:

– Мы тоже взяли, что хотели. Пора уходить. Пошли, нас ждут у реки. Лодку нашли и уйдем на ту сторону. Слышишь?

– Сейчас, – кивнул головой Сабанак, – а с ним что делать?

– Прирежь эту свинью, он нам больше не нужен, – бросил кипчак и повернулся спиной, намереваясь идти обратно.

Тут-то на него и бросился из засады Алтанай, подмял, придавил к земле. Кучум моментально оказался на ногах и в несколько прыжков достиг пленного, опередив Сабанака. Втроем они подняли хрипящего кипчака на ноги, вытолкнули на поляну.

Кучум приставил к его горлу кинжал и, чуть нажав, чтоб лезвие прорвало кожу, но не причинило особого вреда, спросил дрожащим от злобы голосом:

– Где остальные предатели? Говори или сдохнешь на месте!

Пленник, смуглый мужик с узкими, непрерывно моргающими глазками, переводил взгляд с одного на другого и лишь тяжело хрипел, глотая широко открытым ртом свежий утренний воздух. Слюна тонкой струйкой стекала из уголка открытого рта на куцую бородку.

– Э-э-э... – непрерывно тянул он.

– Ты заговоришь наконец или нет? Подлая твоя душа! – Кучум чуть надавил на кинжал, и пленник захрипел еще громче. Наконец, он нашел в себе силы и вытолкнул одну единственную фразу, махнув рукой в сторону леса:

– Они там...

Кипчак понимал, что жизни ему отпущено ровно столько, сколько он будет говорить, но страх... страх сломал и сковал язык, волю, и если бы его не держали несколько крепких рук, он тут же рухнул бы на траву.

– Где там? Кто еще с вами?! – Кучума самого трясло, как лист на осине, от ярости и злобы. Его бесило не близкое дыхание смерти, обжегшей этой ночью. Не в первый раз и не в последний. Из себя хана вывело мерзкое предательство, подлое нападение, трусость пленника. Он глубоко презирал подобных шакалов, пошедших с ним ради денег, дармовой жратвы, легкой добычи. Будь его воля, он казнил бы самой страшной казнью каждого второго в назидание остальным.

Вспомнились жадные глаза кипчаков, когда он расписывал богатства сибирских ханов, их хищные улыбки, мокрые губы, корявые растопыренные пальцы, умеющие лишь убивать и брать.

– Так умри, раз не хочешь говорить, – выдавил из себя Кучум, ощущая, как неумная злоба переполняет его, выступая красными пятнами на лице.

Он с силой повел рукой – кинжал прошел сквозь гортань кипчака и вышел наружу. Затем рванул его в сторону, вмиг оборвав то, что зовется человеческой жизнью. Кровь брызнула на руку, попала на одежду, мелкие капли опустились на примятые листья травы.

Пленник обмяк, взмахнув руками, голова его откинулась назад, колени подогнулись.

– Еще один готов, – небрежно бросил Алтанай, разжал руки и, даже не взглянув на рухнувшего на землю кипчака, прошел к костру.

Сабанак сделал несколько шагов в сторону, но не пошел к костру, а кинулся в глубь леса, пытаясь унять подступившую к горлу тошноту.

Один Кучум остался стоять, сжимая в дрожащей руке кинжал. Он не в силах был оторвать взгляд от убитого им кипчака, словно тот мог еще встать, убежать от них. Кровь кузнечным молотом била хану в голову, сердце колотилось в бешеном ритме, не хватало воздуха. Злость и ненависть бились внутри него, как пойманный в сеть степной матерый волк.

– На! – неожиданно для себя крикнул Кучум и изо всех сил пнул труп кипчака ногой. – На тебе! Вот, вот!.. – Он без усталости пинал и пинал, топтал безжизненное тело, которое вздрагивало под его ударами, подпрыгивало, изгибалось. А Кучум пытался попасть сапогом в лицо, в живот, словно не труп был перед ним, а живой человек.

Неизвестно, сколько бы еще продолжался этот необузданный припадок ярости, если бы не Алтанай, силком оттащивший своего хана от труп.

Он усадил Кучума на остывшую, влажную от утренней росы попону, вытащил из-за седла небольшой бурдюк с вином и заставил хана едва ли не силком сделать несколько глотков. Не в первый раз приходилось ему видеть бессмысленные припадки злобы, после которых Кучум становился вялым и беспомощным, как человек, перенесший тяжелый недуг. Хан бледнел лицом, руки у него тряслись, как у немощного старика, глаза блуждали, не задерживаясь ни на чем, и наступала полная апатия ко всему вокруг.

– Эй-й-й... Какой ты, однако, злой, как кровь увидишь! – сплюнул Алтанай на землю, отойдя в сторону.

Он и сам побаивался Кучума в редкие приступы ярости, когда для того не было ни правых, ни виноватых, ни родных, ни близких – все враги.

Раз на бухарском базаре к нему пристал какой-то пьяный оборванец. Нукеры не смогли вовремя удержать хана, зазевались. Кучум рубил саблей рухнувшего от первого же удара беднягу до тех пор, пока на него не набросились около десятка нукеров, не оттащили, не увели с базара. Никогда нельзя было предугадать этого перехода от привычного ровного состояния к безудержному, всепоглощающему гнев.

Алтанай догадывался, что во внешне здоровом и крепком человеке живет какой-то недуг, унаследованный от предков, владык Золотой Орды, по чьему приказу умерщвлялись тысячи людей за один неосторожно брошенный косой взгляд, за резкое слово.

У Кучума не было той власти, того былого размаха и необъятности. Он даже не был ханом в привычном смысле слова – всего лишь один из многих побегов на давно засохшем и почерневшем за давностью лет древе рода великих монгольских каганов. Но его кровь, власть, привычки и, в конце концов, неумная ярость – это наследство перешло к Кучуму в полной мере. «Такой человек что среди друзей, что среди врагов одинаково опасен», – говорят на Востоке.

Меж тем Кучум начал мало-помалу приходить в себя, и теперь, судя по всему, ему было неловко перед Алтанаем и Сабанаком, вернувшимся с белым, как тюрбан шейха, лицом обратно к костру.

Солнечные лучики потянулись через расступившиеся перед ними узкие стволы берез, создавая длинные ломкие тени и делая все вокруг зыбким, молодым, радостным.

Только трое сидевших у потухшего костра мужчин не выглядели радостными. Скорее наоборот, они испытывали разочарование от прихода нового дня, чистого утреннего воздуха, приятно щекотавшего ноздри, легкого ветерка, отгоняющего надоедливый гнус. Долгое время никто из них не проронил ни слова, сосредоточенно вглядываясь в серый пепел остатков костра, словно там невидимой рукой кто-то начертил таинственные знаки, сообщающие их дальнейшую судьбу.

Лишь Сабанак время от времени бросал незаметно взгляд, словно случайно поворачивая вбок голову, на два неубранных трупа, лежащих в неуклюжих позах на ожившей под утренними лучиками поляне.

– Однако надо погоню отправить за теми... – первым заговорил Алтанай, чуть кашлянув.

Кучум молчал, продолжая сидеть с полуприкрытыми глазами. И если бы не его руки, непрерывно скручивающие и развивающие обратно конец плети, то можно было бы решить, что он спит или дремлет.

– Так будем отправлять погоню? – уже более настойчиво переспросил башлык и зевнул, показывая тем, что его дело сторона, пусть хан решает, он тут главный.

– А если не найдут? – отозвался наконец Кучум.

– Найдут, не найдут... – передразнил башлык, – прямо как красна девка: дам не дам. Не найдут, так видно будет...

– Будет видно, что мы остались без золота, – все так же негромко и почти равнодушно бросил Кучум. Но по тому, как заиграли желваки на скуластом лице, было ясно, сколь неприятен ему весь разговор о золоте и сбежавших предателях.

– Да куда они денутся, найдем... – Алтанай беспечно потянулся.

– Нет, – жестко отрезал Кучум, – сейчас не время. Далеко не уйдут, но и трезвонить на весь свет о том не следует. Поняли меня?

Башлык с племянником молча кивнули, Алтанай опять тяжело вздохнул и собрался что-то ответить, но замолчал, повернув голову в сторону тропинки, где лежал мертвый кипчак. Несколько раз в лесу треснула ветка, и легкий шорох быстрых шагов донесся до них. Похоже, что кто-то торопливо пробирался тропинкой в их сторону.

Сабанак вскочил первым и, выхватив саблю, сделал несколько шагов вперед, как бы прикрывая собой хана, оставшегося сидеть неподвижно, словно он и не слышал чьих-то крадущихся шагов. Алтанай поднял легкое копьё и чуть отвел руку, изготовившись к броску. Теперь-то их не легко будет взять даже десятку воинов, они умели постоять за себя и показать, на что способны в открытом бою.

Наконец, кусты раздвинулись, и на поляну ступил совершенно невооруженный старик – караван-баши, что-то торопливо бормочущий себе в тонкую седую бороду. Он едва не наступил на лежащего убитого кипчака, испуганно вскрикнул, бросившись в сторону, оступился и упал на землю, смешно выставив вперед обе руки.

Алтанай гортанно захохотал, уперев руки в бока, но не выпуская копьё. Сабанак кинул взгляд на Кучума, продолжавшего неподвижно сидеть и теребить конец плетки, словно его и не касалось происходящее вокруг.

Старик поднялся с земли, подслеповато щурясь и испуганно хлюпая маленьким сморщенным носиком, отер ладони о полы халата и наконец, разглядев сидящего у костра Кучума, двинулся к нему, протянув обе коротенькие ручки вперед. Не дойдя нескольких шагов, он

повалился на землю, не забыв, однако, отстранить длинные полы халата в сторону, встал на колени и торопливо зачастил:

– Всесильный хан! Прости меня старого и немощного человека! Это я виноват, я виноват во всем, что случилось. Я поверил ему, что он послан от тебя. Но потом понял, что что-то не так, и потребовал отвести меня к тебе. Тогда он ударил меня по голове, грозил, что убьет, если я не отдам ему кошель с золотом...

Кучум, не дослушав старика, нетерпеливо махнул рукой:

– Помолчи, старый пень! Кому ты отдал золото?

– Пришли двое воинов, сказали будто от тебя... – Караван-баши обвел взглядом поляну, задержался на Алтанае и продолжил: – Потребовали от меня золото, мол, ты велел принести. Я растерялся: как быть, если они в самом деле от тебя, великий хан? А потом сомнение меня взяло, а вдруг да врут они. Говорю, ведите к хану, а они... один, здоровый такой, как треснул меня по голове, и все. В себя пришел, слава Аллаху, жив вроде. А кошель нет... Вот и побежал к тебе.

– Чурбан старый! Да как ты мог поверить, что я среди ночи отправлю каких-то паршивых оборванцев за золотом?!

Старик, не вставая с колен, прикрыл обеими руками голову, выражая тем полную покорность и смирение. Вся его поза говорила о том, что он готов принять смерть как должное.

Кучум вскочил с земли, подошел к караван-баши, ткнул его концом сапога.

– Ты видел, куда они побежали?

– Как я мог видеть? Я лежал полуживой и ничего не видел, не слышал. Но мой мальчишка слуга проснулся и выследил их...

– Говори, где они!

– Они бросили коней и сели в лодку. Куда потом поплыли, он не знает. Верно, на ту сторону реки.

Кучум и Алтанай переглянулись, без слов поняв друг друга.

– Ладно, – проговорил Кучум, – если бандитов не изловят, то тебе придется распрощаться со всеми товарами, они пойдут в уплату вместо тех золотых монет, что ты прошляпил.

– Светлейший хан, да разве моя в том вина?! Сам не знаю, как и жив остался. И товары не мои, то добрые люди мне доверили. У меня, кроме ишака, ничего своего и нет, да вот разве халат рваный...

– Поговори у меня еще! Меня не касается, чьи товары. Как сказал, так и будет. А сейчас пошел вон! И молчи. Никому ни словечка! И парнишку своего предупреди, а то он быстро своего языка лишится.

– Молчу, мой хозяин, язык себе откушу, но ни словечка не пророню, А мальчишке и вовсе ничего не ведомо. Да сохранит тебя Аллах, да продлятся дни твои на этой земле. – И, пятясь задом, караван-баши отполз в сторону, а потом вскочил на ноги и, довольный, пустился бежать обратно по тропинке.

– Все против меня. – Кучум со злостью хлестнул себя по голенищу и пошел к своему коню, что пасся неподалеку.

Сабанак с башлыком решили, что им пора отправляться к сотням, и тоже направились к своим скакунам, безучастно щипавшим траву на поляне.

Но, видимо, происшествия сегодняшней ночи далеко не закончились. Со стороны тропинки, на которой только что скрылся старый караван-баши, раздался стук копыт, и на поляну выскочил всадник на взмыленной лошади, тяжело поводящей боками, покрытыми клочьями пены. Всадник осмотрелся и, не обратив ни малейшего внимания на убитых, направился к Кучуму.

Увидев всадника, Кучум остановился, и сердце его болезненно сжалось, как обычно бывает перед ожиданием дурных вестей. То прискакал его лазутчик, пробиравшийся впереди

каравана под видом гонца от казанских ханов. Он должен был собирать сведения о воинских силах сибирцев, обнаруживать засады, если такие окажутся, и сообщать о том Кучуму.

Коль он пожаловал сюда в открытую, то надо ждать плохих вестей. Мустафа-Сеид, так звали лазутчика, был опытен в тайных делах и знал, что его первого вздернут на осине, обнаружь он себя хоть чем-то. И Кучум верил ему, как никому другому.

– С чем пожаловал, Мустафа-Сеид? Верно, с плохими вестями, коль так спешил?

Лазутчик легко спрыгнул на землю, отер шею лошади ладонью и кинул осторожный взгляд в сторону башлыка с племянником. Кучум понял его и, криво усмехнувшись излишней осторожности того, кивнул головой:

– Говори, это свои люди. Я им доверяю, как и тебе.

– Хан, – тихо заговорил Мустафа-Сеид, облизывая потрескавшиеся губы, – я узнал, где их верховный князь Едигир...

– Где?! – почти одновременно вырвалось у всех.

– Неподалеку отсюда, – продолжил лазутчик столь же неторопливо, словно желал накалить своей неспешностью и без того взвинченных его появлением слушателей, – он на медвежьей охоте. На той стороне реки. – Мустафа-Сеид указал на другую сторону полноводной реки, на берегу которой они находились. – С ним не больше двух десятков воинов. Он не ждет твоего прихода, мой хан.

– Хорошее известие ты принес, – радостно шлепнул себя по ляжкам Алтанай. – Ой, хорошее! Так говоришь, не ждет он нас? А мы вот они, тут как тут, у него под носом.

Кучум, казалось, никак не отреагировал на сообщение, но по тому, как сузились в тонком прищуре глаза и с силой заходили желваки на скулах, было видно скрываемое им волнение.

Он быстро вынул из закрепленной у седла сумы кожаный мешочек, а из него – белый свиток тонкой рисовой бумаги, перетянутой желтой тесемкой. Присел на землю и раскатал свиток на колене.

Остальные склонились к нему, вытягивая шеи. На белой бумаге тянулись синие прожилки рек, зеленые островки леса, красные точки селений. Кучум осторожно коснулся пальцем одной из точек и спросил лазутчика:

– Какое селение впереди?

– Жители зовут его Бабасаны, мой хан.

– Все верно, так у меня и обозначено... Бабасаны... Мы недалеко от него. Говоришь, на той стороне охотится? – словно сам с собой рассуждал Кучум. – Хорошее дело – охота. Что ж, и мы поохотимся. Только на него. Спасибо тебе, Мустафа-Сеид, за доброе известие. Аллах не оставил нас, услышал наши молитвы. Так помолимся ему.

Все мужчины торопливо опустили на колени, повернувшись лицом к солнечному диску, только что показавшемуся из-за березового леса. Каждый из них горячо зашептал слова утренней молитвы, прося Всевышнего послать ему удачу, сберечь в бою, помочь победить врага.

Где-то невдалеке заорал ишак караван-баши, также приветствуя новый день и требуя внимания людей. Новый день нес новые надежды, новые заботы. Жизнь...

Кучум первым закончил утренний намаз, поднялся с колен и пошел к реке. Он слышал, как следом, тяжело пыхтя, шагает Алтанай, легко ступает молодой Сабанак и кошачьей поступью движется Мустафа-Сеид. Все они послушны его слову, взгляду, движению руки. С ними он повязан накрепко, и его жизнь – их жизнь. Его смерть – их конец.

Они не предадут, как те грязные оборванцы, у которых одно на уме: набить тощее брюхо и спать на мягкой подстилке. Они ненавидят его столь же сильно, как и сибирцев, с которыми идут воевать. Если их князя предложат хорошую плату, то, не моргнув глазом, схватят своего хана и притащат новому хозяину.

Жадность, только жадность толкает их в поход, заставляет рисковать собственной башкой. Они трусливы, как увидевший палку шакал. Они не знают, что такое родина, Она там, где больше платят и вкусно кормят. И он им нужен до тех пор, пока обещает добычу. Пока ведет, правит, объединяет.

Но и они ему нужны ровно столько же. Пока не возьмут Кашлык-Искер. Пока не поймают сибирских князей и не посадят на кол. Пока они нужны друг другу, как волки в стае, загоняющей добычу. А добыча уже и рядом...

Они умылись прохладной водой, смыв ночную усталость, страхи и неверие. Вода, как время, лечит и душу, и тело. Вода – друг человека и всего живого. Живая вода...

– Со мной пойдет первая сотня, – негромко проговорил Кучум, подставляя солнечным лучам мокрое от воды лицо. – Проследи, чтобы все было готово для переправы: бурдюки, мешки, найдите в селении лодки.

– Хан, – не выдержал Сабанак, – разреши пойти с тобой.

– Нет, то будет моя охота. Только моя. – И Кучум, широко ступая, пошел от реки к своему коню.

День сломанной подковы

Караван-баши, старый хивинец, медленно подошел, все еще всхлипывая, к своему орущему ишаку. А тот, задрав к небу голову и оскалив крупные желтые зубы, продолжал что есть мочи громко орать, требуя вести его на водопой.

Караван-баши выдернул из земли кол, к которому был привязан на ночь любимец, и неторопливо заковылял к реке, не переставая утирать полую халата мокрые от слез глаза. При этом он бросал торопливые взгляды по сторонам, вглядываясь в просыпающихся погонщиков и прикидывая, не знает ли кто из них о ночном происшествии.

Приученный быстропеременчивой судьбой торговца никогда и никому не доверять, ни с кем не делиться, он порой пугался собственных мыслей, как вор тени. Тебя могут ограбить и убить за кусок сухой лепешки, не говоря о большем. Бояться надо всех: богатых и бедных, злых и веселых, трезвых и пьяных. Караван-баши боялся смотреть человеку в глаза, потому что тот может по глазам прочесть его мысли, узнать, куда он едет, что везет. За свою длинную жизнь караван-баши видел столько смертей, что иногда, проснувшись утром, никак не мог сообразить, жив он или уже умер.

Если бы не проклятая старость, то ни за что не согласился бы на этот поход, а тем более на похищение денег у самого хана Кучума. Но не все ли равно от чего умирать: мучительно долго от голода или от ханского кинжала? Тут был хоть какой-то шанс завладеть ханским золотом, стать по возвращении в Бухару почтенным человеком и дожить остаток дней в уважении и почете, как и подобает старому человеку.

Теперь он вспоминал о ночном нападении, перебирая в памяти все мелочи, которые могли стоить ему головы. Нет, кажется, все сошло нормально, и даже сам хан ничего не заподозрил. Правда, он грозился отобрать у него товары, в которые и сам рискнул вложить кое-какие деньги. Но для этого надо было остаться живым, победить сибирских правителей, а это не так-то просто. Караван-баши знал многих, кто покушался на сибирские богатства. Где они теперь? В Сибирь можно прийти, но выбраться отсюда суждено далеко не каждому.

При первом удобном случае караван-баши подаст весточку сибирским ханам о сотнях из Бухары. И получит плату за свое сообщение. Он улыбнулся, представив, как будет принимать шкурки сибирских соболей, положенные ему за это известие.

Но тут же вспомнил, что за ним может кто-то наблюдать, повернулся в сторону лагеря и провел рукой по лицу, как бы стирая неожиданную улыбку, тронул пальцами ушибленное на голове место. Опять вспомнилось ночное нападение разбойников, ханское золото...

Ханское золото не давало купцу покоя с самого начала пути. Кучум доверил кошель с деньгами, строго-настрого наказав не говорить о нем никому ни слова. И всю дальнюю дорогу караван-баши, словно горсть тлеющих углей, вез, постоянно прикасаясь и трогая их незаметно пальцами. Белое девичье тело в молодости так не ласкал, как этот кошель!

Он прикидывал и так, и сяк, как можно оставить тот кошель у себя. Но разве сбежишь с ним куда от этих головорезов! И на коне не уйти, а на его коне – тем более. Поймают и тут же посадят живым на кол. Караван-баши приходилось не раз видеть, как поступают с ворами и грабителями.

И тогда ему пришло в голову, что самое лучшее – это быть ограбленным. Но как сделать, чтобы и ограбили, и деньги на месте остались? Да и какие грабители сунутся, когда рядом движется несколько сотен всадников. Но и тут купец нашел выход. Значит, среди воинов и надо искать грабителей. А дальше все было просто.

Он обратил внимание на трех кипчаков, которые недобрым словом поминали хана и всех начальников вообще. Разговорился с ними, намекнул на золото в караване. У тех глаза и разгорелись, как у голодной кошки при виде мыши. Тогда караван-баши испугался, что они могут

всерьез убить его. Долго и терпеливо объяснял, как надо бить: чтобы и синяк на голове остался, и главное, чтобы он, караван-баши, уцелел.

Кипчаки хохотали и обещали не бить изо всех сил. Но он усомнился в их словах и накануне вечером подложил под шапку несколько слоев седельного войлока. Это и спасло. Его так огрели дубиной по голове, что сознание потерял всерьез и надолго.

А еще тем же вечером он отсыпал из кошельа большую часть золотых монет и надежно запрятал в седле своего ишака. Кому придет в голову искать там золото? Так что теперь караван-баши – человек обеспеченный, и об этом знает лишь его ишак.

– Чего косишься? – спросил он животное. – Или знаешь, какой ты теперь дорогой? Дороже арабского скакуна вместе с седлом стоишь. – Купец ласково почесал того меж длинных ушей, а потом незаметно провел рукой по седлу, ощутив выпуклость от укрытого там золота. – Ладно, попил – и в дорогу пора. Слава Аллаху, немного нам с тобой страдать осталось...

Тропа нырнула под развесистые кроны вековых сосен. Их ветви, словно руки великанов, тянулись к небу зеленой хвои, топорща во все стороны колючки игл. Будто много сотен лучников изготовились для боя с невидимым небесным противником и ждут сигнала, чтобы спустить тетиву. И тогда тысячи стрел взметнутся вверх, заслонят собой солнце.

Наконец караван, вытянувшись длинной петлей тяжело навьюченных лошадей с караван-баши впереди на маленьком ишаке, достиг лесного прогала, в конце которого виднелись глиняные увалы селения.

Купцы и путники звали этот поселок Бабасанами и тепло отзывались о гостеприимстве его жителей. Тут же навстречу выскочило с сирым лаем несколько больших рыжих псов. Следом неслись черноголовые мальчишки, радостно приветствуя прибытие каравана. Чуть позже из ворот селения показались двое медленно вышагивающих стариков, опирающихся на длинные резные посохи.

Старый хивинец привязал своего ишака к нижней ветке толстенной ели и устало опустился на землю. Старики, признав в нем старшего, неторопливо направились к нему. Один протянул руку к ишаку, видимо, собираясь погладить, но тот злобно клацнул желтыми зубами, показывая, что не желает принимать ласку от чужака.

– Однако какой злой ишак у тебя! – Старик едва успел отдернуть руку. – Чем кормишь, что так кусается?

– Халвой кормлю, – спокойно отозвался караван-баши. – Сегодня еще не кормил, вот он и злится.

– Халвой, говоришь? – Старик принял шутку. – Может, и меня вместе с ишаком угостишь? Мне меньше надо.

– Покупай хоть мешок, мне не жалко. Возьмешь?

– Э-э-э, зачем мне мешок? Чуток дай за щеку положить, внучат угостить. Однако могу и мешок взять. Хочешь мешок халвы на мою старуху поменять?

– А тебе она уже надоела, коль меняешь?

– Она у него, как твой ишак, кусается, – засмеялся второй старик, показывая гладкие розовые десны. – Он же ее халвой не кормит.

– А она меня до дома довезет? – с улыбкой спросил караван-баши.

– Зачем тебя везти? Ты впереди нее побежишь быстро-быстро.

– Ладно, оставь старуху себе, может, и пригодится еще. Лучше бы свежей рыбкой угостил. Есть рыбка-то?

– Нынче с рыбой совсем худо стало, – закачали старики головами. – Ушла от нас рыба. Очень худо!

– Это куда же она подевалась? Или переманил кто?

– Водяной бог на нас осердился, далеко отсюда рыбу угнал, а нам ершей да шуку оставил. Зато завтра-послезавтра мяса много будет. Оставайся у нас ночевать, медвежатиной накормим, а ты нас халвой угостишь?

– Видать, на охоту кто собрался? – осторожно поинтересовался хивинец.

– Да, наш хан Едигир на медведя пошел, на ту сторону реки. Как убьет первого, большой праздник будет. Тогда и наши мужики пойдут жирного мишку мало-мало рогатиной щекотать. Будет мясо...

В этот момент на поляну вывалила первая сотня, ведомая самим Кучумом. Он огляделся и, заметив рядом с караван-баши стариков, направил коня в их сторону.

– Эй, сивые бороды! – окликнул он сжавшихся от страха стариков. – Кто мне покажет, где ваш хозяин на медведя охотится? Хорошо заплачу. А?

Но старики испуганно замотали головами, словно и не слышали обещания.

– Откуда бедный человек знает, где хан охотится? – прошамкал один. – Хан, как орел, летает, где пожелает. А путь орла кто знать может?

– Орел, говоришь? – грозно переспросил Кучум, наезжая на них конем. – А этого попробовать не хочешь? – И он с силой полоснул плетью по ближайшей к нему голове. – Говори, а то пожалеешь о том дне, когда на свет появился!

– Хан, они мне сами сказали сейчас, что охота идет на том берегу, – показал рукой караван-баши.

– Это я и без тебя знаю, – зло выдохнул воздух через ноздри Кучум. Потом перевел узкий прищур своих темных глаз с одного старика на другого и, что-то решив про себя, поскакал вслед уходящей сотне.

Старики тут же поднялись на ноги и, ни слова не сказав караван-баши, медленно показывали обратно в поселок. Не осталось на поляне ни детей, ни даже рыжих собак. Только маленький хивинец гладил меж ушей своего любимца и сообщал, как ему побыстрее вернуться домой из проклятой Сибири...

Сотня примостилась на корточках на берегу большой сибирской реки, обмотав вокруг рук поводья своих коней. Каждый воин зло и напряженно вглядывался в лицо стоявшего перед ними человека. Они ждали, что он скажет им сегодня. Ни смешка, ни говорка среди них. Молчит сотня.

Тишина нависла и над ними, и над сибирским селением, плотно затворившим ворота, загнавшим внутрь детей и скот. Только то там, то здесь мелькнет над стенами чья-то голова, и опять никого не видно.

Лишь огромное и неохватное для глаза смертного сибирское небо нависло над тайгой, рекой и людьми. Жесткое и мрачное небо страны Сибири, так не похожее на ласковое южное небо, нежное, как лицо невесты. То небо ласкает глаз, это – ранит, давит, заставляет пригнуть голову, втянуть ее в плечи, прижаться к земле. Да и само северное небо, как зрачок, смотрящий сверху через обрамление сизых, наполненных водой туч, со стволами-ресницами темных елей, упершихся кронами в небесную глазницу. Смотрит небесный глаз за людьми, и не убежать от него, не спрятаться.

Застыли воины, притихли кони, жмутся к хозяевам, вздрагивают всем телом, прядут ушами. Как перед лютой грозой замерло степное воинство. Молнии-взгляды летят из глаз, испепелить могут. Скажи им слово не так – сомнут, растопчут!

Но крепко стоит перед ними Кучум. Каменным изваянием, широко расставив ноги, стоит хан Кучум на перекрестье дорог. Он – их перекрестье. Он – их дорога к смерти. Его глаза – их глаза! Его рука – их руки!

– Скажи слово, хан! Надоело ждать! Слово!..

– Веди нас, хан!..

– Дай крови! Дай врага!..

– Кро-ови-и!..

Взлетает вверх рука хана. Летит над людским морем голос:

– Воины!.. – Полетел клич до кромки леса. – Я привел вас! Вот Сибирь! Она ваша! Сибирь!..

«Ирь-ирь-ирь...» – откликнулось эхо.

– Берите ее! Хватайте! Она ваша! Эта девка! – Падает рука вниз. – Мы возьмем ее! За плотку! – Застывает рука. – Раздавим ее! – Летит вверх рука с саблей.

И сотни рук летят вверх. С саблей, с копьем, с дубиной.

– Мы сильны, и враг убоится нас!

«Ас-ас-ас...» – вторит лес.

– На-ас!.. – вторят глотки. Жадные, голодные.

Пришла гроза. Грянул гром. Прорвало глотки.

– Боя! Боя! Боя!..

– Хотим боя!..

– Резать! Рвать! Жечь!..

Молчит хан. Он все сказал. Он смотрит, слушает. Он уже победил. Он как стрелу из колчана достал, на тугой лук положил, тетиву до мочки уха оттянул, во врага направил, в сердце поразил.

Первая сотня вокруг хана своего живой подковой выгнулась. Напружинилась, к броску изготавилась. Еще вчера могла на своего хана наступить, растереть, растоптать, уничтожить. Сегодня он разорвал ее и опять вместе сложил, к своей ноге привязал. А они и рады, умереть за него готовы.

Ай да сотня! Лучшая сотня! Все, как один, молодцы-богатыри. Воины! И кони у них гнедой масти, с черными хвостами, копытами песок речной роют, стальными подковами сверкают, хозяина зубами щиплют, головой подталкивают. Тоже в бой идти хотят.

Алтанай с племянником смотрит с речного обрыва на первую сотню и не узнает. Не они ли вчера косились на них и проклятьями сыпали? Не они ли обвиняли их во всех грехах смертных? Не они... Другие воины.

Хан Кучум могучей рукой кузнеца выковал их из обломков, из пустой породы. На горне своих горящих глаз, огнем пламенных слов раскалил, вместе сложил, форму придал. Сейчас их в холодную воду бросит, закалит, чтоб не гнулись, не ломались, стали дамасской прочностью имели.

Берегитесь, сибирцы, первой сотни! Берегитесь их коней гнедых! Берегитесь их подков стальных! Бойтесь их, они идут на вас!

Уцелеет ли кто после боя? Останется ли живой? Или зароят на Сибирской земле, прикроют легким песком, тяжелой глиной?...

Не хотят об этом воины думать. Они верят в удачу. Верят своему хану. Не на смерть он их привел – на победу.

И пошла первая сотня на гнедых жеребцах в холодную сибирскую реку...

Упавшее перо ворона

Снимают воины седла с коней, грузят в сибирские узкие лодочки. Сматывают одежду в узел, крепят на голове. Надувают кожаные мешки воздухом, привязывают к ним кольчуги, сабли, кинжалы.

Шепчут коням своим ласковые слова, чтобы без боязни шли в воду следом за ними. Женщинам таких слов не говорили, как коням своим. Похлопывают их, поглаживают по крутым холкам, тянут к воде.

Фыркают кони, стригут испуганно ушами, пьются на берег, вырывают поводья из смуглых рук. Не хотят в воду, боятся реки. Не видно другого берега, только белесая речная вода струится перед ними.

Рванулся молодой жеребец, вырвал узду у молодого степняка, пустился вскачь по берегу, высоко подбрасывая задние ноги, подняв хвост метелкой. Бежит за ним следом голый хозяин, хохочут воины.

Ветераны первыми вошли в воду, дали коням понюхать ее, попривыкнуть. Обвязали повод вокруг конских голов и поплыли первыми, толкая впереди бурдюки кожаные. Заржали кони, оставшись без хозяев, а те зовут их, свистят, губами чмокают. Первый конь бросился грудью в воду, поплыл. Второй, третий, десятый...

Торчат из воды черные людские головы маленькими кочками, рассекают речную волну конские груди, нагоняют хозяев, фыркают шумно, моргают большими глазищами, удаляются от берега.

Алтанай с усмешкой смотрит на молодых жеребцов, что никак не желают идти в воду, боятся. Сложил ладони трубочкой, поднес ко рту, вытолкнул из щек воздух, завыл по-волчьи, по-звериному, жутко. Шарахнулись жеребчики, присели на задние ноги и пошли в воду, поплыли.

Ханский пугливый аргамак Тай, словно ребенок, жметя к хозяину. Переступает тонкими ногами, норовит вырваться, убежать. Машет длинным хвостом, тяжело дышит.

Усмехается Кучум, знает, что покорится ему конь, не опозорит перед нукерами, поплывет следом. Не впервой им и в воду, и в огонь вместе идти.

– Не бойся, дурачок, я рядом. Воды, что ли, не видел?

Погладил хан своего скакуна, хлопнул по узкому лбу, обвязал вокруг шеи повод и пошел к лодке. Кто-то тут же угодливо придержал долбленку⁵ за борт, помог хану сесть, толкнул лодочку в воду. Отцепил Кучум саблю от пояса, положил на дно, взялся за весло. Взмах, еще взмах... Плывет лодочка, а следом и Тай, жалобно заржав, бросился в воду.

– Ну вот, я же знал, что не подведешь. Умница, Тай, плыви!..

Скользят лодки с гребцами наискось течения черными рыбинами, обгоняя пловцов, коней. Рассыпалась сотня по воде, и Алтанай сверху речного обрыва видит, как пересекли они середину реки, настойчиво борясь с мощным течением, сносившим их далеко в сторону. Вот и первая лодка ткнулась в берег, причалили остальные, выскочили на отмель кони, замелькали голые спины нукеров, блеснул наконечник копья. Собралась сотня в один кулак, построилась и исчезла в темном лесу, словно и не было ее на берегу. Лишь черные бока долбленок видны сверху зоркому глазу башлыка. Ушла первая сотня в глухой сибирский урман, оставив после себя истоптанный песок со следами подков и узких сапог, тут же замываемых речной водой...

Но еще одни внимательные глаза наблюдали за переправой пришельцев через реку. Видели эти глаза с высоты и людей, и коней, и черные долбленки. Сам же хозяин черной точкой скользил по небу, то чуть опускаясь к земле, то взмывая ввысь и теряясь там, никем не

---

⁵ Долбленка – небольшая узкая лодка, изготовленная из цельного ствола дерева.

замеченный. Не до него людям. У людей свои заботы, свой путь, своя дорога. Зато ворон Карга все видит, все знает. Незаметной тенью скользит он вслед людям, не мешая им, будто и нет его вовсе. Но он тут, рядом. Все видит и слышит, все понимает. Он знает, зачем пришли сюда люди. Он видит в их руках длинные острые палки, которыми они убивают друг друга. А где война – тут ворону и пожива.

До этого он долго летел следом за другими людьми, пришедшими в темный сибирский лес и поставившими там свои шатры. Они приходят сюда каждый год на большую охоту, выслеживать бурого хозяина здешних мест – косолопого Аю – медведя. А коль будет добыча у людей, то и ему, Карге, перепадет лакомый кусочек.

Когда люди уйдут, после них останется много съестного, и, насытившись, Карга громким криком соберет своих сородичей – пусть и для них будет праздник. Он, Карга, старый ворон, и его уважают все члены стаи, которые только и ждут, чтобы поживиться за чужой счет.

Много ли надо одному ворону? Полевая мышь или рыба, выброшенная волной на речной берег. Далеко не каждый рискнет углубиться в темный болотистый урман вековой тайги, где хозяйничают дерзкие лесные сороки. Они тут же собираются в огромную стаю и пытаются наказать чужака. Но не таков ворон Карга, чтобы уклониться от схватки. Его клюв, если и не лишит жизни белобокую стрекотунью, то надолго отобьет у нее охоту подлетать близко. Тогда сороки рассаживаются по веткам и громко начинают возмущаться, орать во все горло: «Съел, съел, съел!..» Пусть себе орут, но Карга своего не упустит.

Зато зимой вся эта птичья мелюзга откочевывает в теплые края, где им легче прожить и прокормиться. Тогда ему, Карге, полное раздолье. В жуткие сибирские морозы он предпочитает забраться подальше в лес и там, сидя под еловой веткой, переживает стужу, по-очереди отогревая лапы под большими черными крыльями.

Много, ой много его собратьев погибло в такие морозы, не долетев до спасительного леса, падая камнем в сугроб. Потом их отыскивает рыжая лисица или сумрачный не улыбочивый волк, и черные перья на снегу указывают на место их гибели.

Но такова жизнь на этой земле, где выживает лишь опытный и умный. Карга не помнит, сколько таких зим пришлось ему пережить, сколько раз весной молодые самки выпаривали от него новых птенцов, которых он потом учил летать и охотиться. Летом они промышляют вдоль речных берегов, а зимой он учит их находить и выслеживать молодых зайчат, которые только что родились, в самые трескучие морозы. Он первым бросается с ветки на белый пушистый комочек зайчонка-несмышлениша и одним ударом пробивает его тонкий череп, уносит в когтях под одобрительные взгляды молодых воронят.

Но больше всего Карга любит выслеживать человека-охотника, когда тот отправляется ставить ловушки на зверя. Он запоминает их и рано утром, раньше охотника, облетает свои владения. Где-то сидит пойманный зайчишка, а то и краснобровый тетерев или жирный глухарь. Тело еще мягкое, теплое, и перья легко выдергиваются. Долго приходится возиться с закоченевшим зверем. Тогда ворон громко сзывает сородичей, и к приходу охотника мало что остается в ловушке.

Еще Карге нравится стаскивать приманку из ловушек, расставленных человеком. Он знает все охотничьи хитрости и остороженько вытаскивает оставленные там куски мяса или красные ягоды рябины. Охотник, обнаружив его проказы, страшно сердится и, поднимая руки к небу, вызывает к его совести. Карга в это время сидит нахохлившись на верхушке елки и наблюдает за ним, слушает крики, лай собаки.

А вот собаки ненавидят Каргу. Они подозревают, что если бы Карга захотел, то гораздо лучше них выследил для человека любого зверя и сообщил об этом. Но Карга никогда не позволит приручить себя и жить за счет человеческих подачек. Он родился свободной птицей, таким и умрет. Пусть псы скребут в своих лохматых шкурах блох, а потом с радостью бегут

впереди охотника и выгоняют для него зверя. Пусть они воображают, будто им все позволено, но без человека в лесу они пропадут, не выживут.

Он же, Карга, появился здесь задолго до людей, это он – хозяин тайги, рек, болот. Умный человек это понимает и никогда не убьет ворона. Иначе... иначе великий хозяин леса – Ия – накажет его.

Сейчас Карга, сделав круг над лесом, опустился на верхушку темной ели и затаился. Внизу, на большой поляне, рядом с походным шатром сгрудились люди. Они сдирали шкуру с лесного великана, убитого их господином, ханом Едигиром. Каждое лето в месяц спелых ягод он берет в руки копье и выходит на медвежью тропу, чтобы испытать себя в схватке с косолапым Аю. Род хана Едигира начался от рода Аю, и нельзя без причины убивать своего родича. Потому хан надевает маску из бересты, чтобы Аю не узнал его, не отомстил после смерти.

Рядом с ханом шаман, который умеет гадать по медвежьим внутренностям и сообщит хану его судьбу. Застыло лицо старого шамана, застряли слова в горле. Большая беда идет на их землю, черный год их ждет, как сажа от сгоревшего полена. Шепчет шаман заклинания и боится сказать о плохом хану Едигиру. Но тот и сам все понял по мрачному лицу шамана и спросил:

- Видать, не того медведя взял я сегодня? Прогневали мы богов? Скажи, старый шаман...
- От судьбы не уйти, хан. Она, как лесной пожар, везде настигнет.
- Что же нам делать, старый шаман?
- Готовить себя к великим испытаниям...

В это время ворон Карга поднялся со своей ели и набрал высоту, чтобы внимательно рассмотреть, что за люди подбираются со стороны реки к лесной поляне. Было их много, и у всех в руках блестели стальные наконечники на длинных палках, которые несут смерть.

Ворон сделал круг над поляной и громко закричал, предупреждая об опасности людей у шатра. Перо выскользнуло из его крыла и упало на землю.

Свист длинного копья

Давно это было... Когда травы в сибирской стране скрывали человека с головой. Когда в реках рыба водилась такая, что могла рыбака на дно утащить. Когда один комар мог у человека всю кровь выпить.

Слабыми были тогда сибирские люди, и мало их было на земле. Боялись они далеко от дома своего отойти, и некому было за них заступиться. Жила среди сибирцев молодая красивая девушка, гордая и смелая. Ни в чем мужчинам своего рода не уступала. Одна в лес ходила, одна рыбу лушила, одна за стариками своими ухаживала.

Пошла она однажды в лес за кедровыми шишками и не вернулась. День проходит, другой, а ее все нет. Оплакали ее старые родители, попечалились родичи, да и забывать стали. Только по первому снегу вернулась она в селение жива и здорова. И рассказала историю о том, что с ней приключилось.

Напал на нее здоровенный медведь Аю, хозяин здешних лесов. Утащил в свою берлогу и сделал женой прекрасную девушку. Понесла она от него и теперь ждет к весне ребеночка.

Послушали ее родичи, да не всему поверили. А по теплу родился у девушки сын, весь из себя богатырь – сильный и отважный. Вырос мальчик в юношу и стал самым удачливым охотником. Пришли враги на их землю, и он один раскидал их всех, разогнал. Не было ему равных на сибирской земле, и выбрали старейшины его своим вождем.

С тех самых пор и пошел род сибирских князей, прозванный Тайбуга. Из него вышли все сибирские ханы, чьи имена и поныне люди добром поминают, о ком поют песни на свадьбах, чьей защиты просят шаманы.

Из рода Тайбуги вышел и хан Едигир. Едигиром его прозвали за храбрость и отвагу, за силу и удаль, за доброе сердце и легкий нрав.

Любимым занятием у Едигира была охота, а потому редко видели его люди в своих селениях. Уходил он вместе с друзьями в таежные урманы, на мшистые болота, на большие озера и по много дней не выходил оттуда. В лесной избушке нашли его гонцы с печальным известием, что ушел в мир теней отец Едигира, хан Касим.

Поспешил Едигир на ханский холм, где стоял шатер отца, и застал в сборе всех своих родичей, всех старейшин, самых главных шаманов. Уже готов был погребальный костер, на котором стояли носилки с телом отца. Только и успел Едигир с ним попрощаться, как вспыхнули смолистые сосновые бревна, и пламя заслонило от него того, кто много лет правил сибирскими народами, водил полки против жадных степняков, каждое лето являющихся на их земли за кровавой данью.

Никого не осталось у Едигира на этой земле со смертью отца. Мать его умерла, когда он еще был ребенком. Поговаривали, что не своей смертью умерла, помогли ей в том другие отцовские жены. Не было у Едигира по матери ни сестер, ни братьев, зато по отцу было их предостаточно, но виделись они редко и особой приязни друг к другу не питали.

Сейчас, на похоронах, все они стояли большой толпой со своими мамками и дядьками, хмуро поглядывая на Едигира. Их роды были большие и сильные, а потому и хана должны были выбрать из их числа. Едигиру же самое лучшее было убираться подальше с ханского холма, обратно в леса и таежные урманы, и забыть о том, что он из рода Тайбуги.

Да и сам Едигир об этом думал и остался на поминальный ужин лишь потому, что неловко исчезать сразу, не выпив заупокойный кубок кумыса. Во время пира кто-то осторожно тронул его за плечо. Обернувшись, он увидел Рябого Нура, юзбашу своего отца. Тот показал головой, чтоб Едигир вышел из шатра наружу. Там их ждали еще несколько человек из личной ханской охраны, все прошедшие с Касимом через многие сражения и невзгоды.

– Редко мы видимся, – первым заговорил Рябой Нур, – а надо бы тебе почаще на ханском холме бывать. Видел, сколько мух налетело на поминки? Они-то своего не упустят.

– Мы еще увидим, как они друг другу в глотку вцепятся, – проговорил другой юзбаши.

– Они только и ждут, когда ты, Едигир, к себе уедешь, чтобы посадить на белый ханский войлок своего выродка, – произнес кто-то тихо, невидимый в темноте.

– А потом начнутся споры-раздоры и начнут резать друг друга, – зло продолжил Рябой Нур. – Но только они про нас забыли! Мы-то, старые друзья твоего отца, знаем, что хан Касим в тебе видел своего наследника.

– Во мне?! Наследника? – отшатнулся Едигир. – Да кто я такой? У меня даже своего улуса⁶ нет, а нукеров⁷ – что пальцев на руке, да и те крова над головой не имеют. Нет, хана из меня не выйдет.

– Вот такой хан нам и нужен, – твердо опустил руку на его плечо Рябой Нур. – Потому мы тебя и выбрали, что ты воин, а не слюнявая баба, не торгаш, как Соуз-хан. И если ты дашь согласие, то быть тебе ханом. Это тебе я, Рябой Нур, говорю. Подумай до завтра.

Всю ночь ворочался Едигир в своем шатре, обдумывая предложение воинов. Всего два лета прошло, как Рябой Нур заплел ему косицу воина и возложил на него дедовскую саблю. Он думал, что хан Касим проживет на этой земле еще ни один десяток лет и ханский шатер не будет пустовать.

Касим не любил своих родичей, жадных до наград и почестей, привозивших к нему своих дочерей в жены, а потом подолгу гостивших в городке. Кашлык буквально бурлил от бесчисленных жениных братьев, племянников, сестер, мамок, и каждый желал ухватить кусок пожирней. Особенно усердствовали беки из южных улусов, водившие дружбу с кочевыми калмыками и ногайцами. Многие из них тайно приняли исламскую веру и тихонько склонялись к ней хана Касима. Но он понимал, что прими он ислам, и северные князья отойдут от него, а это – война. Потому и отговаривался, отнекивался от настойчивых уговоров родичей, да так и умер, не изменив вере отцов и дедов.

Обо всем этом известно было Едигиру. Знал он, что преемником хана Касима прочат жирного Соуз-хана, который владел половиной земель по Иртышу. Его табуны паслись и в далеких степях, а караваны, груженные товарами, днем и ночью шли из сибирских земель в бухарские ханства и дальше на восток, принося хозяину немалые барыши.

Соуз-хан не был воином в отличие от хана Касима и не водил свои сотни в набег, не бился со степняками, не участвовал в поединках батыров на весенних праздниках. Зато он регулярно поставлял к ханскому холму отличных скакунов и доброе оружие, давал и своих нукеров для походов. Его хорошо укрепленный городок находился недалеко от Кашлыка и по размерам не уступал ставке сибирских ханов.

Едигир помнил, как однажды отец указал рукой в ту сторону и произнес: «Там наш главный гнойник, и лучше его не трогать, а то столько вони выйдет, что сам не рад будешь...»

Но помнил Едигир и другие отцовские слова: «Лучше один раз породниться, чем сто раз подраться». Хан Касим хоть и не показывал вида, но побаивался южных беков и мурз. Может, поэтому он отправил послов в далекую Московию к белому царю и предложил тому свою дружбу. Ак-царь⁸ успел завоевать и Астраханское, и Казанское ханства, и не было ему равных на этой земле.

Помнил Едигир, как вернулись от белого царя отцовские послы, а с ними бородатые светловолосые люди приехали. Долго о чем-то беседовали они с ханом Касимом, а вскоре и уехали, увозя на больших санях сундуки, полные собольих шкур.

---

⁶ Улус – у степняков родовое с прилегающими пастбищами и охотничьими угодьями.

⁷ Нукер – вольнонаемный дружинник на службе у хана.

⁸ Ак – белый (тюрк.).

Хан Касим часто выходил на крутой иртышский обрыв и долго глядел на закат, куда уехали светловолосые люди. Он чего-то ждал, но, наверно, так и не дождался от Ак-царя. И умер, никого не посвятив в свои планы. А теперь Едигиру предстояло продолжать отцовское дело, если он сменит охотничьи уголья на ханский холм.

Ранним утром его разбудил Рябой Нур, одетый в стальной панцирь, словно перед кровавой сечей. Едигир вышел из шатра и увидел, что вокруг городка собралось несколько боевых сотен, все при оружии и в доспехах. «Так вот о какой поддержке говорил юзбаши...» – понял Едигир, и холодок пробежал по всему телу.

– Что ты решил? – без обиняков спросил Рябой Нур.

– Если воины за меня, то я смогу продолжить дело отца.

– Воины за тебя, мой хан, – улыбнулся, показав кривые зубы, юзбаши, обведя рукой сверкающие под утренним солнцем боевые доспехи сотен.

– Тогда будем ждать решения старейшин, – так же ответил ему улыбкой Едигир.

Ближе к полудню на ханском холме собрались старейшины и все родичи покойного Касима. Пришли шаманы с тяжелыми бубнами и чинно уселись в сторонке, ожидая начала совета.

Соуз-хан, в цветастом восточном халате, в собольей шапке, сидел, окруженный южными беками и мурзами. Он единственный раз бросил высокомерный взгляд в сторону Едигира и что-то сказал своим сородичам. Те громко засмеялись, посмотрев на молодого ханского сына.

Рябой Нур наклонился к Едигиру и прошептал:

– Они еще не так засмеются, когда увидят тебя входящим в ханский шатер.

Наконец разговоры стихли, и старый Катайгул, дальний родственник хана Касима, с длинной седой бородой, самый уважаемый из старейшин, положил левую руку на ханский бунчук, а правую поднял вверх.

– Великое несчастье постигло нас, и лишились мы своего хана, да примут боги его на небо, да пошлют нам удачу, да будет имя хана Касима благословенно во все времена на нашей земле.

Все одобрительно кивали головами, слушая старого Катайгула, перечислявшего заслуги покойного. Он еще долго поминал все благие дела и свершения хана Касима, а потом, помолчав, начал издалека:

– Опустела земля без нашего защитника, некому вести в бой наших воинов, некому постоять за нас, несчастных и сирых. А потому собрались мы сегодня, чтобы выбрать лучшего из лучших, почтеннейшего из почтенных, знатнейшего из знатных. Пусть он правит нами по решению старейшин и да продлятся дни его...

Все замерли, готовясь услышать имя нового избранника. Даже птичье пение смолкло и не слышно было журчания неумоимого Иртыша-землероя. Имя нового хана, затаив дыхание, ждали все.

– Многие среди нас готовы стать правителями земли нашей, но закон гласит, что только один должен править народом, а потому старейшины выбрали... – Катайгул на мгновение прервал речь, посмотрел на самодовольно улыбающегося Соуз-хана, затем перевел взгляд на Едигира и сидящих за его спиной юзбашей и тихо закончил: – ...нашим ханом Едигира!

Еще какое-то время висело в воздухе молчание, а потом рев многих глоток огласил ханский холм. Орала все: и старейшины, и многочисленные родичи, и воины за стенами городка. Катайгул поднял руку кверху и призвал к тишине. Затем взял ханский бунчук и с поклоном передал Едигиру. Но тут подскочил со своего места Соуз-хан и, тяжело ступая, кинулся к бунчуку, наступил ногой на древко, придавив его к земле.

– Мои родственники не согласны с таким решением! – выкрикнул он. – Не гоже безродному занимать ханский шатер, у него даже своего улуса нет! Кто он такой, этот Едигир?! Не желаем его!..

– Не желаем!.. – заорали за его спиной южные беки и мурзы.

Все повскакали с мест, выхватили сабли и горящими от бешенства глазами сверлили Едигира и стоящих за его спиной воинов.

Тогда вперед вышел Рябой Нур и громко крикнул:

– Мы Едигира желаем!

– Да кто ты такой? Голь перекатная, рвань поганая!..

– Нукеры, ко мне! – взмахнул саблей Рябой Нур, и полезли сотни через стены, хлынули через ворота, мигом заполнив главный майдан городка, окружив орущих старейшин.

Только тогда те наконец-то поняли, кто пожелал Едигира, и тут же сникли, пристыженно опустили на места, попрятали оружие.

Лишь Союз-хан продолжал стоять, вдавливая носком сафьянового желтого сапога в землю древко бунчука⁹.

– Я по закону имею право на поединок с ним, – высокомерно проговорил он, когда крики утихли. – Но я же могу выставить вместо себя любого воина. Пусть старейшины ответят мне: прав ли я?

Старейшины, не ожидавшие такого поворота, склонили головы друг к другу и долго шептались. Наконец Катайгул поднял руку и произнес:

– Да, Союз-хан, ты имеешь право на поединок, если Едигир не пожелает отказаться от ханского шатра. Ответь, Едигир.

Едигир увидел, как все взоры обратились к нему, все ждали его слова. Спиной он ощущал горячее дыхание Рябого Нура и, чуть помедлив, тихо проговорил:

– Я согласен на поединок с Союз-ханом или с тем, кого он выставит.

Старейшины вновь склонили седые головы и тихо зашептались. На этот раз совещались они долго. Едигир уже думал, что они отменяют поединок или примут иное решение. Но вновь послышался голос старого Катайгула:

– Мы приняли решение, доблестные воины! Пусть будет поединок, но не должна пролиться кровь претендентов на ханский шатер. – Катайгул чуть остановился, набрав в грудь побольше воздуха. Собравшиеся слушали, не перебивая. – Они не будут драться друг с другом...

– Как?! – вскричали все разом.

– ...Мы предлагаем иной поединок, чтобы воины не обнажали оружия друг против друга. Пусть хана выберет наш предок, медведь Аю, ему решать участь претендентов. Мы отведем их в лес и предложим сразиться с медведем. Кто выйдет победителем, тому и быть нашим ханом!

Гул одобрения прокатился среди собравшихся. Слышались отдельные выкрики, но общее напряжение спало, и каждый обсуждал с соседом возможность исхода поединка. Катайгул, уставший от долгой речи, вытирал с лица пот и внимательно оглядывал беков, споривших меж собой.

Только Союз-хан, казалось, остался недоволен и, еще раз с презрением взглянув на Едигира, направился к старейшинам.

– Пристало ли будущему сибирскому хану шляться по таежным урочищам и гоняться за каким-то там медведем? Его жалкая шкура не стоит и половины цены моего халата, который мне придется трепать на болоте...

– Я могу поменяться с тобой халатами! – закричал громко один из охранников покойного хана Касима. – Я своим халатом не особо дорожу, – и он просунул грязный кулак через здоровенную дыру в поле грязного и замызганного серого халата, в который был одет.

– Что же предлагает почтенный Союз-хан? – спросил его, не вставая с земли, Катайгул.

---

⁹ Бунчук – знак ханской власти в виде конского хвоста на длинном древке.

– Пусть медведя приведут сюда, и я покажу всем, как владею оружием, – Союз-хан надменно выпятил свой живот и положил руку на саблю в дорогих ножнах.

Первым засмеялся за спиной Едигира юзбаша Рябой Нур, за ним и воины, раскрыв в безудержном смехе рты, начали тыкать пальцами в Союз-хана, выкрикивая:

- Медведя ему сюда привести! Видали?
- Он не пойдет медведя в лесу искать!
- Вот пусть сам и ведет его сюда! Ха-ха-ха!..
- Медведя... На веревке... Сюда...

Следом заулыбались и старейшины, качая головами и поглядывая то на Союз-хана, то на кривляющихся перед ним воинов. Наконец тот не выдержал и, круто повернувшись на высоких каблуках, пошел к своему коню, а следом за ним соскочили и его родичи, соседи, остальные прихлебатели.

Но на другой день Союз-хан прислал гонца с известием, что согласен принять на любых условиях участие в поединке и просил сообщить день сбора. Старейшины назначили испытание на шестой день...

На состязание собрались все люди с соседних улусов, как на большой туй-праздник¹⁰. Все оделись в лучшие халаты, яловые сапоги, круглые лисьи шапки. Молодые разъезжали по поляне верхом на скакунах, намеренно горяча их, показывая собственную удаль, гонялись один за другим вдоль обрыва.

Союз-хан прискакал на белом жеребце с уздечкой, оправленной серебряными бляхами, под красным высоким седлом, расписанном восточными мастерами.

– Ого! – косились на него любопытные улусники. – Почитай, седло у него побогаче будет, чем сам конь. Видать, много отдал...

- А ты посмотри, какой на нем парчовый халат – золотыми нитками шитый!..
- А шапка кунья с красным камнем посередине!..
- Не иначе, на свадьбу собрался...
- Точно, на медведице и женим его сегодня!..
- Мало ему своих жен, так он молодую, горячую возьмет!..
- Сейчас она его разгорячит, только пятки засверкают!..

Шутки тут же смолкли, как только к собравшимся подошел верховный шаман, а следом за ним два мальчика несли большой бубен. Народ зашептался, что это уже последний бубен шамана, а стало быть, скоро ему и в заоблачные выси отправляться.

Шаман из-под тяжелых набрякших век взглянул на собравшихся, перевел взгляд на Едигира, и у того кровь застыла в жилах. Казалось, что взгляд шамана направлен сквозь него на дальний берег.

– Готов ли ты выйти на поединок? – долетел до него вопрос.

Едигир молча опустил голову вниз. Так же поступил и его противник. Шаман надолго замолчал, смотря все так же сквозь них в неведомую даль, глаза его ничего не выражали: ни радости, ни печали. Глубокая скорбь и тоска застыли в них. У Едигира начали затекать ноги, когда старший шаман поднял обе руки и произнес:

– Пусть боги выберут сильнейшего, нашему народу предстоят тяжелые времена. Отправляйтесь...

Сперва ехали верхом до дальнего урочища, где начиналось полусухое болото, с полуденной стороны от которого шли густые заросли малинника. Там их должны были поджидать загонщики, что накануне определили медвежью лежку и теперь следили за зверем, готовые в нужный момент повернуть его на охотников.

---

¹⁰ Праздник по случаю свадьбы или – позже – обрезания у тюркских народов.

Возле небольшого лога противники спешили и оставили коней на попечение двух юношей. Дальше пошли пешком по узенькой, едва приметной лосиной тропе, осторожно ступая, пригибаясь под нависшими ветвями, внимательно всматриваясь в ближние кусты.

На Едигире был одет простой суконный халат, перетянутый кожаным ремешком с висевшим на нем у правого бедра длинным кинжалом. Легкие чирки-полусапожки не ощущались на ногах, делали шаг мягким и неслышным. В руках он держал толстую березовую палку, на конце которой был намертво закреплен нож с обоюдоострым лезвием шириной в пол-ладони.

Едигир шел первым, легко и непринужденно раздвигая ветки кустарников и непрестанно ловя ноздрями воздух, стараясь по запаху определить присутствие в лесу медведя.

Соуз-хан, тяжело отдуваясь, тащился следом за ним, далеко отстав, путаясь в полах богатого халата, цепляясь носками сапог за корневища, и бормотал что-то себе под нос. А уже на несколько шагов позади него крались старейшины и молодые воины, пожелавшие принять участие в охоте. И хотя по лесу одновременно пробиралось около полусотни человек, но ни один из них ни малейшим шумом не выдал себя.

Вдруг позади Едигира послышался глухой удар о землю, а затем визгливые проклятия разнеслись далеко окрест. Обернувшись, он увидел, что Соуз-хан лежит на земле и громко стонет, схватившись за правую ногу. К нему подбежали.

– Будь проклята и эта охота, и все медведи, и вы вместе с ними! – надрывался Соуз-хан что есть мочи. – Я, кажется, вывихнул себе ногу!

– Так ты не сможешь принять участие в поединке? – обратился к нему Катайгул. – Тогда ты проиграл.

– Я выставляю вместо себя Сагипа, своего нукера. Законами это разрешено!

Силача Сагипа знали все. Без него не обходился ни один праздник, где выходили бороться молодые воины. В борьбе ему не было равных.

Старейшины пошептались и подозвали Сагипа к себе. Тот изъявил готовность участвовать в поединке вместо Соуз-хана и тут же подхватил лежащее рядом с ним копьё и взмахнул перед собой. Было видно, что обращаться с оружием он умеет. Двинулись дальше, оставив Соуз-хана на попечение нукеров. Однако Едигиру подумалось, что его хитрый противник заранее предусмотрел это падение, не желая рисковать своей шкурой.

Теперь они шли рядом с Сагипом плечо к плечу, обмениваясь время от времени оценивающими взглядами. Вскоре вышли на большую поляну с поваленными поперек нее обгоревшими деревьями после большого лесного пожара. Вокруг буйно кустилась малина, местами примятая до самой земли.

«Ага, – подумал Едигир про себя, – хозяин Аю где-то здесь, то его работа».

Из зарослей к ним вышел, пригибаясь, один из загонщиков, тихо сообщил, что медведь недалеко и его сейчас погонят на поляну, и тут же исчез в кустах.

Соперники остались одни. Едигир оглянулся назад, но все, кто шел следом, попрятались за деревьями, чтобы оттуда наблюдать за ходом поединка.

Едигир сделал несколько шагов по поляне, выбирая удобное место для встречи со зверем и одновременно стараясь предугадать, откуда тот может появиться.

По нависшей тишине казалось, будто не только люди наблюдают за местом, на котором должна была решиться судьба Сибирского ханства, но и все живое и сущее приготовилось быть безмолвным наблюдателем, а может, и участником поединка зверя и человека. Человек не мог один решать свои человеческие дела без вовлечения братьев своих лесных. Он связан с ними не только местом жительства, но и другими высшими небесными узами, составляя одно неделимое целое. Они едины в действиях, поступках, в судьбе. Но человек желал первенства в мире и добивался этого всеми доступными средствами, не замечая и не желая замечать боль и страдание лесных обитателей, братьев своих.

Не слышно было в лесу ни птичьего посвиста, ни беличьего цокотка. Только покрасневшие от напряжения и скорой потери родительских объятий листочки осинки по краям поляны вздрагивали, будто невидимый лесной дух тяжело касался их своим мощным дыханием.

Едигир повел плечами, чувствуя, как напряглись и задеревенели мышцы спины, вспотели ладони, сжимающие копье, а глаза прикрыла легкая пелена, подобная дымке утреннего тумана. Только тут он понял, насколько близко находится к давящему тяжестью пологу ханского шатра, за которым скрыты многие людские судьбы, жизни и смерти. Ему вдруг стало страшно от мысли, что от его слова будут зависеть судьбы не только живущих рядом с ним людей, но и еще не родившихся, а лишь готовых появиться на свет. Стало страшно откинуть полог шатра собственной рукой, стать властелином, владыкой собственного народа, казнить и миловать. Да кто он такой, чтоб выполнять волю богов на земле?! Кто?! Всего-навсего сын хана, игрушка в чьих-то руках...

Повернув голову, Едигир обвел взглядом лесные заросли, где скрылись приведшие их сюда люди, и на мгновение ему показалось, будто меж ветвей сверкнули воинственным огнем глаза Рябого Нура и послышался шепот: «Едигир, ты сын своего народа, ты воин. Победи, Едигир!»

Он вздрогнул, как от удара плетью, и крутнул в воздухе свое оружие с такой силой, что клинок со свистом резанул воздух, описав дугу. Тут же у него меж ног проскользнул полосатый бурундучок и юркнул в заросли крапивы; стайка дроздов мелькнула над поляной, уводя молодых и неопытных первогодков дальше в лес, не доверяя появившимся в их угодьях людям.

И неожиданно весь окружающий горелую поляну лес ожил. Засвистели загонщики, послышался шум трещоток, гулкие удары о стволы деревьев, громкие крики и гиканье.

Едигир глянул на Сагипа, крутившего головой, пытающегося заранее угадать место появления медведя на поляне. Он сделал несколько шагов по направлению к небольшому прогалу с втоптанной в землю кустами малинника, держа копье обеими руками и пружинисто приседая при ходьбе. Но в его походке не было той уверенности опытного зверолова, отличающегося четкостью и выверенностью движений, скупостью поворотов корпуса, твердостью вдавленных в землю ног.

«Эге, – усмехнулся Едигир, – за свое ли дело ты взялся, дружок? Тут и оплошать недолго, когда опыта маловато».

Сам он остановился в центре поляны, где почти не было поваленных огнем деревьев, чтобы легко перебежать к тому месту, откуда появится медведь, изготавиться к схватке.

Голоса загонщиков становились все громче. Наконец послышались шум ломаемых веток, злобное урчание, и слева от Едигира на поляну вывалился огромный темно-бурый медведь, вертя длинной мордой и кидая настороженные взгляды по сторонам. Он шел мягко, переваливаясь справа налево, чуть выбрасывая вперед лапы и встряхивая могучим загривком, под которым буграми ходили мощные мышцы, широким воротником оторачивающие голову. Зверь непрерывно тряс головой, будто стряхивая с нее, как воду, людские крики и шум, летящие сзади.

Выбравшись на поляну, медведь остановился в нерешительности, словно заранее ожидал какого-то подвоха от преследующих его людей. Скользнув взглядом по Едигиру и находящемуся чуть дальше Сагипу, он не счел их достойными противниками, ничем не обозначив своей ярости. Зверь не желал связываться с людьми, предпочитая как можно быстрее скрыться в чаще. Он даже сделал попытку повернуть обратно, но назойливый шум не позволил ему вернуться туда. Тогда хозяин леса предпочел пройти левее Едигира по кромке поляны, тем самым избежав столкновения.

Медведь легко перескочил через скрещенные стволы сосен, бросая при этом искоса взгляд на человека, и преодолел уже половину расстояния, желая как можно быстрее достигнуть кромки леса. Но Едигир не позволил ему сделать это и в несколько прыжков опередил

зверя, встав на его пути. Медведь приостановился, чуть откинувшись назад всем корпусом и оскалив клыки. Он предлагал разойтись по-хорошему, не проливая крови и далее жить столь же мирно и покойно.

Но Едигир взмахнул копьём, угрожающе ткнул острием в сторону медвежьей морды. Тот резко махнул правой лапой, пытаясь защититься от острой палки не поднимаясь на задние лапы. Верно, он все еще надеялся на мирное завершение неожиданной встречи, как бы предлагая человеку: «Иди своей дорогой и оставь меня в покое, а то хуже будет...»

– Нет, бабай! – крикнул Едигир. – Мне нравится твоя шкура, и ты не заставишь меня уступить тебе дорогу. Будем драться! – И еще раз сделал выпад в его сторону.

Медведя не пришлось долго уговаривать, и он, легко оттолкнувшись от земли, распрямился, встав на задние лапы. По желтым мощным клыкам было видно, что медведь не молод и матёр. Темно-бурая шерсть, местами спутанная репьями и колючками, лоснилась в ярких лучах солнца. К морде прилипли раздавленные ягоды малины, и даже зеленый листик игриво светился в уголке рта. Кончик черного мокрого носа, выпачканный в глине, непрерывно вытягивал воздух, а обе полусогнутые передние лапы свисали вдоль туловища. Все это Едигир успел заметить и оценить за какое-то мгновение, ожидая нападения вставшего на дыбы зверя. Но тот не спешил переходить в атаку, словно поднялся во всю высоту своего роста лишь для того, чтобы осмотреться окрест, оценить обстановку.

Едигир выбросил перед его мордой намотанную на левую руку разноцветную тряпицу, спрятав за спину правую с копьём. Маневр был необходим, чтобы заставить зверя сделать несколько шагов вперед, поднять вверх лапы, обнажив для удара копьём незащищенную грудь. Но медведь и не думал нападать, а лишь отмахнулся лапой от мельтешившей и надоедливой тряпицы и повернул голову в сторону, прислушиваясь к чему-то.

А крики и шум загонщиков становились все громче, приближаясь к лесной поляне. Через какое-то время должны были показаться и они сами. Верно, это и не давало медведю сосредоточиться и схватиться с человеком, заслонившим проход.

Неожиданно для Едигира он бросился в сторону, опустившись на все четыре лапы. Рванулся на сей раз вправо от охотника, проскочив буквально на расстоянии вытянутой руки. Едигир не успел даже взмахнуть копьём, как медведь был уже вне пределов досягаемости.

И опять косолапому не дали благополучно уйти с поляны, чтобы исчезнуть в лесу. Сагип кинулся к медведю, выкрикивая какое-то ругательство и беспорядочно тыча копьём впереди себя. Окончательно убедившись, что без драки ему уйти не дадут, медведь взревел во всю силу своих легких, опять взметнулся на задние лапы и, уже не раздумывая, двинулся на Сагипа.

Тот выкинул вперед себя копьё, пытаясь угодить зверю под ребра. Но зверь оказался проворней и легко опередил нападающего, ударив лапой по древку и отбросив его в сторону. Затем махнул другой, зацепив острыми когтями плечо противника. Сагип отшатнулся, попытался отступить назад, но зацепился на толстенную ветвь полуобгорелого дерева и упал на землю. Злобно рыкнув, медведь бросился на него, придавив всей тушей, и его рев слился с раздражающим душу человеческим криком.

Люди, таившиеся до того на опушке, выскочили с копьями и кинжалами наперевес, кинулись спасать несчастного охотника. Но Едигир, бывший к зверю ближе всех, намного опередил их, подбежал к нему сзади и ткнул с размаху копьём в медвежий бок. Удар был хоть и не сильный, но чувствительный. Медведь тут же отреагировал, повернул окровавленную морду и клацнул зубами, пытаясь ухватить копьё. Однако Едигир отскочил в сторону и вновь вонзил острие в медвежий бок.

Медведя словно подменили: куда девались его осторожность и нерешительность, Оставив полузадавленного охотника, он, громко рыча и сверкая маленькими черными глазками, в очередной раз распрямился во весь рост и, молотя лапами воздух перед собой, двинулся на Едигира. Он торопился побыстрее покончить с противником, видя боковым зрением бегущих

по поляне людей. Может, от ярости, обуревавшей его, или от излишней спешки медведь допустил ошибку, ухватив передними лапами тряпицу, сунутую ему в морду Едигиром. Он легко вырвал ее из левой руки охотника и начал кусать, приходя в еще большую ярость, распаляясь от запаха человека, предвкушая скорую победу над ним.

Едигир меж тем сделал небольшой маневр перед зверем, чтобы солнце оказалось за его спиной и слепило медвежьи глаза. Тот на мгновение зажмурился, отводя морду от солнечных лучей, и тогда копьё, посланное сильной и умелой рукой, разорвало брюшную полость и снизу вошло под ребра, продолжая рвать связки, кишки, добираясь до самого сердца. Медведь качнулся, пытаясь понять причину невыносимой боли, пронзившей вдруг все тело, скосил глазки вниз и увидел толстую палку, воткнувшуюся в его мягкий живот. Решив, что причина боли заключается именно в ней, он схватился обеими лапами за древко копья, пытаясь освободиться, но Едигир надавил изо всех сил, вдавливая клинок глубже, засадив копьё едва ли не на четверть. Сейчас он боролся за свою жизнь, за право быть сильнейшим и первым в ханстве, и участь животного его не интересовала.

А медведь, поняв, что смерть уже набрасывает на него свое покрывало вечной тьмы, почуяв дыхание вселенского мрака, жалобно заревел на весь лес, извещая собратьев о своем уходе, и что есть сил рванулся к спасительному лесу.

Копьё вырвалось из рук Едигира, глубоко застряв во внутренностях зверя, и тащилось за ним по земле, оставляя на опавшей листве алую дорожку. Сам медведь уже не ревел, а стонал, пытаясь вырвать ненавистное копьё из тела и придерживая вываливающиеся наружу кишки.

Наконец зверь понял, что ему не достигнуть долгожданного леса, не уйти от толпы людей, несущихся навстречу, и глубокое равнодушие овладело им. Пропало желание сопротивляться, бороться за жизнь; он в последний раз взглянул на людей и со вздохом опустил на мягкую лесную подстилку, прижав обе передние лапы к ране.

А люди уже окружили поверженного великана и громко оралы, направив на него дубины и копья. Медведь взмахнул передней лапой, как бы прося уйти их, не видеть мучений, оставить одного наедине со смертью. Вслед за тем предсмертная судорога сотрясла его большое и сильное тело. Голова откинулась назад, широко открылась пасть, вывалился наружу язык, и густая вязкая кровь потекла на изумрудную траву, быстро темнея и уходя в землю.

Мощный рев вырвался из людских глоток, извещая всех, что отныне их хозяином и правителем Сибирского ханства суждено стать Едигиру.

– Слава нашему хану! Слава хану Едигиру! Едигиру!..

А он, их правитель, стоял чуть в стороне, сжимая обрывок цветной тряпицы, плохо сознавая, что же происходит вокруг, и неотрывно смотрел на окровавленного зверя, принесшего ему власть над людьми.

Потом, почувствовав приступ тошноты, круто повернулся спиной к орущей толпе и едва ли ни бегом, спотыкаясь о толстые стволы обожженных деревьев, кинулся к краю поляны, к лесу, где совсем недавно хотел спастись поверженный им зверь. И только войдя внутрь кустистого молодого подлеска, отрешившись от людских взглядов, отгородившись тонкими стволами молодняка, выросшего на гари, Едигир глубоко вздохнул и упал на траву, принявшую его тело, как мать нежно берет в руки плачущего ребенка. Он не замечал, как слезы катились по лицу, щипали глаза, попадали в рот и омывали холодной росой разочарования.

«Зачем мне это? Зачем?!» – билась, как тяжелые удары в бубен, в пылающем мозгу мысль. Он не ощущал себя победителем. Тело ослабело, налилось неимоверной тяжестью, и Едигир будто тонул в глубокой мощной реке, даже не пытаясь противиться ее всевластному течению, затаскивающему его под толстый лед.

Наконец блаженство тишины и покоя, умиротворения до звона в ушах внесло его обратно в реальный мир, и вновь стали отчетливо слышны звуки, различаться цвета, запахи осеннего леса. Он перевернулся на спину и уставился в далекое облачное небо. Прямо над ним, мед-

ленно взмахивая остроконечными крыльями, кружил большой черный ворон, дожидаящийся, когда люди покинут поляну, позволив и ему получить свою долю, почествовать удачную охоту сибирского хана.

«Кар-р-р, кар-р-р...» – разнеслось над лесом.

Едигир повернул голову к костру, пытаясь сообразить, в каком времени он находится.

Зеленый узор предательства

Сотня Кучума, едва обсохнув после переправы, широким строем втянулась в лес. Чуть отъехав от берега, передние воины услышали далекие удары бубна и повернули головы в сторону хана.

Он взмахом руки подозвал к себе юзбаши Уртазу и приказал вполголоса, кивнув в сторону глухих ударов:

– Пошли двоих разведчиков, но чтоб тихо!

Уртаза понимающе затряс головой и жестом отправил двух подвижных и ярких молодых воинов следовать впереди сотни. Остальные спешили, ведя коней под уздцы, и осторожно начали пробираться по сумеречному таежному лесу. Только Кучум ехал верхом впереди на красавце Тае, внимательно вглядываясь меж стволов.

Наконец вернулись разведчики, сообщив, что видели на лесной поляне походный шатер и группу людей возле костра.

– Шатер стоит на небольшом холме, но охраны вокруг мы не заметили, – добавил один из них.

– Это он, – облегченно выдохнул Кучум. – Больше тут быть некому. Сотня, к бою! За мной! – крикнул он, полуобернувшись, и прищипорил коня.

Деревья поредели, и по неширокой тропе Тай вынес хозяина на поляну, к подножию небольшого песчаного холма, на вершине которого сидели у туши убитого медведя два десятка человек.

Охрана хана Едигира, увидев вооруженных всадников, тут же схватилась за луки, заслонила своего властелина. Воины Кучума не сумели разом выбраться из лесных зарослей на поляну, и лучники с холма могли без труда перебить их поодиночке.

Кучум понял это и, чтобы как-то выправить положение и дать людям подтянуться, громко крикнул:

– Эй! Мы ищем ставку сибирского хана...

– Ставка великого хана в Кашлыке, – прокричали с холма.

– Мы заблудились в лесу и потеряли дорогу.

– Кто вы такие? – последовал вопрос.

– Купцы из Булгарии! – не задумываясь, крикнул Кучум. – Едем с товарами в Кашлык.

Какое-то время на холме царило молчание, а потом зычный голос приказал:

– Всем спешиться и отойти на полсотни шагов, а старший пусть поднимется ко мне.

У Кучума и его сотни не было иного выхода, как подчиниться, и он, кинув поводья Уртазе, начал взбираться на холм. На ходу он вспомнил рассказы купцов о доверчивости сибирцев и решил, что самое лучшее – начать беседу, а уж потом, при удобном случае, напасть на Едигира и его людей. Придя к такому решению, Кучум глянул вполоборота на свою сотню, находившуюся от него на расстоянии полета стрелы, и нахмурил напряженно лоб, понимая, что помощи от них ждать не придется.

Едигир подждал его у кромки песчаного откоса, спокойно скрестив руки на груди и вглядываясь в незнакомца. На купца тот походил мало, а разлапистая походка носками внутрь и большие тяжелые руки выдавали в нем воина, но отнюдь не торговца.

«Что-то здесь не так, – подумал Едигир, – надо ухо держать востро».

Кучум остановился в нескольких шагах от него и слегка поклонился, прижав руки к груди.

– Да будет благословен твой кров и все живущие под ним, – мягко заговорил он, сияясь улыбаться как можно доброжелательнее. – Пусть продлятся дни твои и чтобы череда их была легка и неумоима, как дуновение летнего ветра! Любящих жен тебе и здоровых детей.

– Благодарю тебя за добрые слова, незнакомец, – кивнул Едигир. – Присядем. – И сел прямо на сырое бревно, лежащее подле костра.

Кучум же повернулся к своим воинам и подал знак, чтобы принесли угощение, которое он предусмотрительно захватил с собой. Двое нукеров тут же, подхватив кожаные походные сумки, кинулись к холму.

Когда угощение было расставлено, то Кучум следом за хозяином опустился на седельную кошму, расшитую замысловатыми узорами. Он взял в руки кувшин с вином и наполнил принесенные пиалы, подал одну из них Едигиру.

Тот принял, пригубил вино и, ни слова не говоря, опустил пиалу рядом с собой на бревно.

– Как здоровье казанского хана? – задал он вопрос.

– Плохо его здоровье! И в великой печали он после того, как московский князь Иван забрал в полон многих его жен и детей.

– Да, мне ведомо об этом. Но нам князь Иван не враг, нам нечего делить. Передай своему господину мое сочувствие. – Чуть помолчав, Едигир спросил: – Спокойно ли ехать? Есть ли разбойники?

Кучум понял, что его проверяют, и постарался ответить неопределенно.

– Когда охрана хороша, то и разбойники не страшны.

– Заезжали ли в Чимги-Туру? – столь же вкрадчиво спросил Едигир.

– Да, ненадолго.

И опять над поляной нависло молчание, и лишь конские удила побрякивали от края поляны, да воины Едигира с луками в руках поскрипывали сапогами о желтый песок, переступая с ноги на ногу.

Кучум внимательно разглядывал сибирского хана, стараясь оценить его достоинства и недостатки. Едигир был значительно моложе его, но шире в плечах и выше ростом. Из-под надвинутой на большой открытый лоб круглой шапки с лисьей опушкой виднелась черная косица, перетянутая синей лентой и заправленная под халат. Лицо несло отпечаток добродушия и мягкости, свойственное сильным людям. По широким скулам висела небольшая борода с мелкими колечками. Надбровье перерезали две глубокие складки, сходящиеся на переносице. Темные, чуть раскосые глаза внимательно и с недоверием глядели на собеседника, как бы оценивая его. Говорил сибирец будто свысока, заранее зная, что собеседник подчинится ему. Таким голосом обычно отдают приказания, но не в летучем конском строю сквозь шум боя, а в полутьме шатра, где слышен каждый шорох и важны интонации. Кучум же с его сорванным, сипловатым голосом никогда не мог отдать приказ вполголоса даже рядом стоящему человеку. Нет, даже когда он просил подать пиалу с кумысом, то сидящий рядом мог вздрогнуть, словно хану угрожает смертельная опасность...

Меж тем Едигир тоже приглядывался к собеседнику, пытаясь угадать, зачем тот говорит явную неправду. То, что перед ним никакой не купец, было ясно с самого начала. Эти большие обветренные руки, непрестанно теребящие конец кожаной плети, привыкли сжимать рукоять сабли, а не перебирать нежные восточные шелка и считать золотые монеты. Особенно выдавали пришельца узкие, с прищуром, холодные глаза, время от времени вспыхивающие, как тлеющие угольки. В них читались жестокость и непреклонность. Такой человек не уступит тропу встречному, не растрогается из-за страданий ближнего. И горе тому, кто посмеет перечить ему. Смерть, неумолимая смерть читалась в черных глазах, непрерывно сверлящих собеседника.

– Так где же твои товары, купец?

– С караваном, где же им еще быть. Не пройдем ли к нему, и я покажу все свои товары. Можешь выбрать, что понравится: оружие, сладости, ткани...

Кучуму пришла в голову спасительная мысль, что если увести Едигира с холма, то схватить его ничего не стоит.

– Надо бы пройтись, давно в наших краях не было караванов. Вот только шаман не закончил гадания. Подождешь?

– Конечно. – Кучум торжествовал: он выиграл! Ему поверили! – Разреши мне вернуться к моим охранникам. Я придерживаюсь иной веры, и Аллах не позволяет нам, правоверным, присутствовать во время гадания.

Едигир еще раз недоверчиво оглядел его и, не найдя достаточных возражений, решил отпустить до поры чужеземца.

– Хорошо, подожди меня внизу. – Он передал ему пиалу из-под вина. Но вдруг взгляд его задержался на узорах, которыми она была покрыта. На внутренней ее поверхности зеленые цветы сплетались в причудливый узор, меж которых арабской вязью шла надпись: «Хан Муртаза – благоверный правитель Бухары». Точно такой же узор был и по углам подушки, на которой сидел чужеземец.

Но не столько сама надпись поразила Едигира, сколько ее сходство с другой, которую он совсем недавно видел в собственном дворце.

Он резко отдернул руку, и пиала мягко упала на песок, не разбившись. Кучум тут же наклонился за ней, сетуя на неосторожность свою и хозяина, а когда выпрямился, то увидел направленный на него кинжал.

– Что случилось? Или я нарушил законы гостеприимства?

– Я доверяю гостям, но не люблю, когда меня обманывают! – Лезвие кинжала приблизилось к груди Кучума, а он так и стоял, сжимая в руках пустую пиалу.

– Про какой обман ты говоришь?

– Зачем ты вздумал меня дурачить и врать, будто ведешь караван из Казани? Та дорога проходит не здесь. Ты явился сюда из Бухары, и я это легко понял. Или не так?

Кучум бросил взгляд на застывших вдалеке своих нукеров и понял, что притворяться дальше нет смысла.

– Пусть будет так, но я твой гость и ничего плохого не сделал. За что же ты угрожаешь мне оружием?

– Волк тоже приходит в гости, но после него остается разор. Говори, зачем пришел? Кто тебе Муртаза-хан? Отец? Брат?... Он давно добивается моей смерти и подсылает подлых убийц. Значит, и ты один из них. Так?!

– Только трус может задавать вопросы, приставив кинжал к горлу, – усмехнулся Кучум. – Убей меня, коль знаешь, кто я.

– И ты еще посмел назвать меня трусом?! – Едигир отступил на несколько шагов, но кинжал не опустил. – Ты назвал меня трусом?! Таких слов я не прощу никому, пусть даже он будет моим гостем. Но я не убью безоружного. Держи! – И он кинул в руки Кучума копье, что было воткнуто недалеко от костра, а сам подхватил другое и несколько раз взмахнул им перед собой. – Если ты действительно купец, то драться со мной не станешь. Только я уверен в другом. Будешь драться?

– Тут твоя власть, и я не могу не подчиниться. – Кучум примерился к тяжелому копью и пошел по кругу, внимательно следя за противником. Боковым зрением он заметил, что его сотня медленно подбирается шаг за шагом к холму, готовая по первому зову прийти ему на помощь.

– Ну, купец, покажи, на что ты способен, – подзадоривал его Едигир.

Кучум сделал обманный выпад и присел на колено, но его противник едва заметным движением отбил копье к земле, а сам выкинул длинное жало далеко вперед, чуть не зацепив нападающего.

– Э-э-э, да ты совсем не умеешь драться. А если так... – И он после нескольких обманных выпадов едва не проткнул Кучума, если бы тот не отскочил к самой кромке холма.

Противники вновь пошли по кругу, стараясь занять более выгодную позицию и угадать слабые стороны другого. По силе они были равны, но Кучум привык драться копьем, находясь верхом на лошади, а пешим он больше предпочитал саблю. И он решился на боевой прием, который мог решить исход схватки. Он внезапно подпрыгнул и, выбросив копье вперед, ринулся на сибирца. Но тот легко ускользнул от него, упав на землю и перевернувшись через голову. Кучум не успел развернуться к нему лицом, как получил легкий укол в зад.

– Куда же ты побежал? – насмешливо спрашивал Едигир, а его воины восторженно загомонили, потешаясь над неловкостью степняка.

Не помня себя от ярости, Кучум вырвал правой рукой из ножен саблю, переложив копье в левую. Увидев это, Едигир вытащил свой кинжал, и они вновь пошли по кругу мягкой кошащей походкой.

Кучум решил переменить тактику боя и старался подобраться поближе к противнику, орудуя саблей и отбивая удары копьем. Это ему почти удалось, и он несколько раз удачно рубанул по древку копья, перерубив его почти наполовину. Едигир лишь усмехнулся и начал с удвоенной скоростью вращать свое оружие, угрожая то голове, то ногам, то груди степняка. Острие его копья описывало замысловатые фигуры в воздухе и даже задело плечо Кучума. Тот вынужден был отступить, теснимый противником, и... неожиданно для себя оступился, не найдя опоры, покатился с холма.

– Сдавайся! – кричал сверху Едигир и ринулся следом за ним.

Но Кучум сумел вскочить на ноги и метнул копье в набегающего сверху Едигира. Тот не успел увернуться, и летящее копье ткнулось в предплечье, сбив его с ног.

Его воины, столпившиеся на вершине, уже радовались победе своего хана, как вдруг на него со всех сторон бросились подоспевшие степняки и, навалившись, прижали к земле. Несколько стрел просвистело сверху, пригвоздив двоих нападавших, но они боялись ранить Едигира и целились в сторону от него. Меж тем Кучум уже вскочил на подведенного к нему Тая и махнул рукой, чтоб пленного тащили к лесу.

Степняки, не приняв боя, откатились от холма и укрылись от стрел за стволами деревьев. Радостный Кучум подъехал к поверженному противнику и, щеря зубы, спросил:

– Что теперь, скажешь, сибирский хан? Ведь именно так ты себя называешь? С сегодняшнего дня ты больше не хан. Ты никто. Собачья пятка – имя твое! – И, пришпорив коня, он помчался дальше, в глубь леса.

Едигир бессильно скрипнул зубами и попробовал прочность ремней, которыми были опутаны руки. Но нечего было и думать об освобождении, он с трудом пошевелил затекающими пальцами.

Подшли двое степняков и, злобно усмехаясь, забросили его в седло низкорослой лошади. Затем ловко стянули ноги другим ремнем, пропустив его под конским брюхом и через луку седла закрепили тугой петлей на шее пленного.

– Только пикни, мигом прирежу! – прорычал один из них, кладя руку на кинжал. – Все одно кончать тебя будем.

– О себе бы лучше подумал, пес! – огрызнулся Едигир и тут же получил удар кулаком в грудь.

– Еще хочешь? – спросил степняк. – На! – И вновь его кулак опустился на ребра пленного.

Впереди, куда ускакал Кучум, слышались команды, и степняки спешно взобрались на коней, оставив Едигира в покое. Один из них привязал повод его лошади к своему седлу, а второй ехал сзади. Едигир повернул голову и увидел, что еще десятка два всадников прикрывают его с тыла. Значит, надежды на спасение нет никакой. Правда, на холме остался Рябой Нур, а с ним два десятка воинов, которые знают местный лес, как свои пять пальцев. Едигир на их месте попробовал бы устроить засаду на тропе, ведущей к реке. Он знал, что в лесу степняки – плохие воины...

Рябой Нур бежал впереди небольшого отряда в стороне от тропы, по которой увозили захваченного Едигира. Легко лавируя меж деревьями, перепрыгивая через полусгнившие стволы, пригибаясь от низко нависших мохнатых еловых лап, он бежал, как много раз бегал по лесу, преследуя зверя во время охоты. Сейчас он сам был зверем, у которого отняли его детеныша. Но он и не собирался сдаваться, отпускать степняков с пленным Едигиром. Они на своей земле, а с ними два десятка отборных воинов, и степняков надо перехватить, пока те не добрались до реки. Нур бежал не оглядываясь, но знал, что воины не отстают и бегут следом, сжимая в руках копья и луки.

Свое прозвище «Рябой» он получил много лет назад, когда схватился со здоровенным борцом Агиш-хана, приехавшим к ним на весенний туй-праздник. Тот был на голову выше Нура и снисходительно поглядывал на него сверху вниз, потирая ладони перед очередной победой. Но не таков был Нур, чтобы дать бросить себя на землю. Он мертвой хваткой вцепился в противника, и они покатались по земле вместе, угодив в горящий костер. Но и тут Нур, даже когда огонь спалил его бороду и волосы на голове, не ослабил хватки. Победа осталась за ним, а лицо... лицо с тех пор стало рябым, как шкура молодой косули, покрытое желто-коричневыми пятнами. И уже никто не решался выйти бороться с ним во время весеннего праздника.

Это он, Рябой Нур, сделал ханом молодого Едигира, а сам стал менбаша¹¹. Теперь у них одна судьба с ханом. Погибнет Едигир, и для Рябого Нура не окажется места на ханском холме. Да что на холме, ему не окажется места во всем Сибирском ханстве. Местные беки припомнят ему все обиды и сживут со свету. А теперь еще и эти невесты откуда взявшиеся степняки, захватившие его хана.

Нет, они еще не знают, что значит встать поперек дороги Рябому Нуру. Сейчас он устроит им достойную встречу. «Встречу, встречу...» – билось у него в мозгу в такт бегу.

Он достиг небольшого ложка, уходящего в сторону реки, быстро сбежал вниз и тут же стал подниматься, невидимый со стороны, вверх, ближе к тропе, проходящей рядом. Сзади послышалось тяжелое дыхание догнавших его нукеров. Рябой Нур оглянулся, удостоверившись, что все они здесь и никто не отстал.

– Пошли пятерых дальше по тропе, чтобы устроили завал из деревьев, – шепнул он одному из них, прозванному Буреном. – А остальные пусть готовят стрелы. Сейчас мы их встретим!

Команду шепотом передали от одного нукера к другому, и пятеро человек бесшумно скользнули вверх из ложка, скрылись в лесу. Остальные залегли редкой цепью, укрывшись за растущими по склону лога деревьями. Степняки никак не могли пройти мимо, не наткнувшись на засаду.

Наконец, показались два осторожно пробирающихся по лесу всадника, то и дело крутящие головами из-за круглых с медной насечкой щитов. Рябой Нур показал рукой, чтобы их пропустили не трогая.

– Дозорные, – тихо шепнул лежащему рядом Бурену.

Следом показалась большая группа воинов, растянувшаяся попарно вдоль лесной тропы.

– Беру первого! – Рябой Нур показал на себя указательным пальцем, а Бурену выбросил два. Тот согласно кивнул и передал знак остальным.

Стрелы бесшумно легли на обмотанные кожей рукояти луков. Натянулись тетивы. Каждый выбрал свою цель. И... несколько мгновений прошли в долгом ожидании. Наконец Рябой Нур пронзительно свистнул и спустил тетиву.

Почти враз вскрикнули передние всадники, схватившись руками кто за грудь, кто за горло, выпуская поводья и клонясь к земле. Рванулись в чащу испуганные кони, сбрасывая с

---

¹¹ Менбаша – тысяцкий (тюрк.).

себя мертвых, налетая на стоящих сзади. А из ложка все сыпались длинные сибирские стрелы с ястребиными перьями в желтоватую полоску.

Степняки соскочили с коней, укрылись за деревьями и открыли ответный огонь в сторону сибирцев. Над головой Рябого Нура мягко вошла в березовый ствол, подрагивая гибким телом, короткая стрела. Он выдернул ее, рассматривая трехгранное жало с глубокими зазубринами.

– Не отравленная? – спросил тихо Бурен.

– Кто ее знает. Может, и так...

– Что делать будем? Сейчас врукопашную полезут.

– Отправь двоих, чтобы лес сзади них запалили, а мы отходим.

И он легко заскользил вниз по ложку, а затем резко повернул влево, выбрался наверх и побежал вдоль тропы, слыша сзади себя прерывистое дыхание нукеров. Вскоре они добежали до топкого места, где к тропе с двух сторон подходило болото, непроходимое для коней. Тут уже несколько человек торопливо сооружали завал, стаскивая поваленные бурей стволы деревьев. Подбежавшие с Рябым Нуром воины кинулись им на помощь.

Менбаши прикинул, где лучше разместить воинов, оглядел подступы к завалу.

– Слышь, Нур, дымком потянуло, – втянул широкими ноздрями воздух взмокший от бега Бурен. – Сейчас они повалят сюда, как чумные зайцы.

– Пусть нукеры лезут на деревья. Близо не подпускать, сражение нам ни к чему. Их больше раз в пять.

– Стрел всего ничего...

– Сам знаю. И что из этого?

– Долго не продержаться, – ответил Бурен и пошел к воинам.

Вслед за легким, едва ощутимым в воздухе дымком налетел запах гари, вызывающий у любого смятение и тревогу. Послышалось испуганное ржание коней, треск ветвей, крики степняков.

Рябой Нур проследил, как его нукеры быстро вскарабкались на деревья вокруг тропы, укрылись меж ветвей, выставив перед собой приготовленные к стрельбе луки. Затем обошел завал и опустился на землю, невидимый со стороны тропы, положив рядом лук, короткий кинжал и копье.

Через полуприкрытые глаза он видел кроны деревьев и далекий покров неба, которое как бы удерживалось тонкими ветвями, пружинящими под его тяжестью. Послышались тихие голоса подобравшихся к завалу степняков, бряцание удила, лошадиный хrap. Потом кто-то спрыгнул на землю и чей-то голос крикнул: «Осмотрите с той стороны...» Рябой Нур напрягся, продолжая неподвижно лежать, и, повернув голову, увидел двух степняков, подбирающихся к нему с вытянутыми в руках саблями. Коротко взмахнув кистью правой руки, он бросил в ближайшего кинжал, перевернулся через голову, подхватив копье. Второй разведчик не успел ничего понять, а лишь широко открыл глаза, увидев, как его товарищ рухнул на колени, схватившись за горло, из которого торчала рукоять кинжала. Он повернул обратно, попытался закричать, но копье Рябого Нура прошло через него насквозь, вылезло тонким жалом посреди груди. Он натужно захрипел, выкатя язык, и ухватился руками за березовый ствол, обдирая ногтями тонкую кору, подтягивая слабеющее тело к дереву.

А по тропе к завалу прибывали всадники, гонимые из лесу едким дымом и становящимся все громче треском горящего дерева. Воины скучились голова к голове, испуганно высматривая меж деревьями сибирцев. Но те затаились вверху и ничем не выдали пока себя.

Рябой Нур осторожно выглянул из-за завала и увидел Кучума, резко отдающего команды, сыпля ругательствами. На нем был округлый стальной шлем с коротким шишаком на конце и длинным наносником, делающим его похожим на хищника. Конь под ним беспокойно перебирал ногами, пытался выбраться из толпы, злобно кусал соседей крепкими зубами.

Нур поднял лук, не спеша прицелился, вложив стрелу с четырехгранным наконечником, что пробивала сердце сохатого. Но сизые клочья дыма накатывали на всадников, скрывая их от стрелка. Рябой Нур затаил дыхание, слившись с луком, с тетивой, натянутой до мочки правого уха. Он сам стал стрелой, готовый лететь и впиться тому в горло, лишит жизни. Злость душила его, рвалась наружу.

Но Кучум кинул настороженный взгляд в сторону завала, уловив там какое-то движение, блеск черных прищуренных глаз. Рябой Нур поймал его взгляд, хотя хорошо укрылся меж деревьями, и, решив, что медлить больше нельзя, спустил тетиву.

Стрела ушла со свистом, неся смерть на острие кованого жала, и, чмокнув, воткнулась в цель. Новый порыв ветра закрыл всадников сизой дымной пеленой, и Нур заскрипел зубами, что не мог увидеть гибели врага. Тут же с деревьев засвистели стрелы его нукеров, а он бросился в глубь леса, выручать Едигира. Колчан бил по спине, ветки хлестали в лицо, но он, не ощущая боли, нырнул в лесную чащу, отчаянно кашляя от едкого дыма. Так он бежал вдоль тропы, пока не увидел нескольких всадников, сгрудившихся вокруг пленного Едигира. Тот сидел на низкорослой лошадке, со связанными сзади руками.

– Ага, вот вы-то мне и нужны! – тихо проговорил Нур, натягивая лук. – Эй! – крикнул громко и, когда степняки повернулись на крик, спустил тетиву. Ближайший к нему всадник, громко охнув, сполз с седла.

Остальные прикрылись щитами и обнажили сабли. Двое из них, понукая коней, попытались въехать в лес. Кони неохотно шли в глубь чащобы, испуганно прядая ушами. Тогда Нур, сложив ладони у рта, издал протяжный волчий вой. Кони шарахнулись и повернули назад, подставив спины всадников. Еще одна стрела вошла под лопатку степняку, и тот, дернувшись, схватился за гриву лошади.

– Отпустите нашего хана, а то всех перестреляю! – заорал он громко.

В ответ один из степняков занес над головой Едигира кривую саблю и крикнул:

– Могу его башку подарить тебе на память. Хочешь?

– Если ты мужчина, то выходи один на один. Тогда поглядим, чья шея крепче.

И тут он услышал крик Едигира, не крик, а стон из-за ремня, стянувшего ему горло:

– Рябой! Поспешите в Кашлык... Пусть готовятся встретить гостей, собирайте нукеров...

Голос прервался.

Нур увидел, что один из степняков опустил рукоять сабли ему на голову.

– Псы! Подлые сарты! Дети шакала! – закричал он, в бессилии ударяя кулаками по стволу смолистой сосны. – Я с вами еще повстречаюсь! Вы еще своей кровью умоетесь!

В ответ раздался громкий смех и свист пущенной наудачу стрелы. После этого сарты двинулись по тропе, увозя с собой Едигира.

Рябой Нур кинулся обратно к завалу, чтобы увести оттуда своих нукеров, добраться быстрее до Кашлыка, предупредить степняков.

Неожиданно навстречу ему выскочил здоровенный сарт с копьем в руке. Он направил наконечник его в грудь менбаши и прошипел:

– Сдавайся, пес сибирский, а то умрешь!

Нур, не сводя глаз с острия копья, бросил свой лук на землю. Их взгляды встретились, и тут Рябой Нур в ужасе округлил глаза, глядя за спину степняка. Тот испуганно глянул назад, и Нуру хватило мгновения, чтобы выдернуть из колчана стрелу и с силой метнуть тому в горло.

Стрела прошла насквозь, пробив гортань. Сарт не успел и вскрикнуть, лишь скосил глаза вниз, где покачивалось оперение от стрелы, и повалился на Нура.

– Ты же просил бросить, – проговорил он тихо, опустил убитого на землю и вынул из его рук копьё, подобрал лук.

Возле завала вдоль тропы шла сеча, и Рябой Нур увидел, что степняки одолевают, прижав его воинов к завалу. Их осталось всего несколько человек вместе с раненым в плечо Буреном.

– Отходим! – закричал Рябой Нур, напав на степняков сзади. – Все к реке и на ту сторону кто как может!

– А где Едигир? – спросил, тяжело переводя дух, Бурен.

– У них, – отмахнулся болезненно менбаши. – Я не смог освободить его. Но мы сможем помочь хану, если останемся живы. Уходим!..

Кучум, не принимавший участия в схватке после того как длинная сибирская стрела пробила ему щит, впившись в левую руку, услышал, что крики у лесного завала стихли, и сабли не звенят. Он пошел к тропе, ведя Тая на поводу. Навстречу к нему спешил юзбаши.

– Мой хан, они бежали! Преследовать ли их в лесу?

– Разобрать завал и быстрее к реке! – отмахнулся Кучум. – Пожар совсем рядом. Торопитесь!..

Холод глубокой воды

Старый рыбак Назис терпеливо сидел в долбленке над осетровой ямой. Он приплыл сюда ранним утром, но бог реки не хотел сегодня дать ему рыбу. А ведь Назис обещал поделиться с ним печенью осетра, на которого забросил свою снасть. Речной бог в это лето стал совсем скупым и далеко угнал всю рыбу. Или он обижен на старого Назиса?

А разве не Назис притащил по весне тушу павшей от бескормицы клячи и сбросил ее под лед, в угощение речному богу. Что с того, что от дохлой кобылы сильно воняло? Под водой запах не слышен. О том все знают. И речной бог принял угощение, довольно урча утащил кобылу вниз, в самую яму. Если бы подарок ему не понравился, то выбросил бы его на берег. Но ведь принял...

– Раз взял мою кобылу, то и мне подари хоть одного осетра, – сердился старый Назис. – Зачем ты такой жадный? Так нельзя жить. Тебя никто любить не будет. Люди уйдут с реки, найдут другого бога, а ты совсем один останешься. А знаешь, как худо одному? Тебе не то что кобылы, а и голой кости никто не бросит, отощaeшь совсем. Вот я собаку кормлю – она мне зверя гонит. А тебя корми, не корми – не даешь рыбы! Чем я внучат кормить буду? А? Молчишь?... Не ты ли у меня две весны назад последнего младшенького сына забрал?

При воспоминании об утонувшем во время ледохода сыне у старика задрожал голос, и крупные слезы выкатились из мутных, плохо видящих глаз. Дома, в землянке, он не позволял себе такой слабости. Тут же, оставшись один, вволю отводил душу, ругая речного бога, отнявшего у него последнего сына. Двое других много лет назад ушли в набег с ханом и не вернулись. А младший, самый любимый и расторопный, взял в свою землянку их детей. Теперь, уже второй год, они живут с Назисом.

Старик подергал за бечевку, к концу которой был привязан острый стальной крючок с наживкой. Но бечевка подалась легко. Клева не было.

Тяжело вздохнув, старик представил, как ему придется по темноте возвращаться в свою землянку, минуя насмешливые взгляды соседей. Зато никуда не спрячешься, от своей ворчливой старухи, которая станет попрекать за напрасно проведенный день. Утром она отправляла его на озеро ставить сети, но он заупрямился и пошел на реку.

Старик был упрям от природы, и это часто оборачивалось против него. И сейчас можно было давно возвращаться в селение, но он менял наживку и упорно ждал клева.

– Вот скажи, – продолжал он, – почему на озере хозяин воды совсем другой? Не такой скупердяй, как ты? Он людям всегда рыбы дает, не жалеет, как ты. А воды у него меньше, чем у тебя. И рыба зимой вся мрет, когда лед толстый, воздуха мало. Надо было ему кобылу ту снести, сейчас горя бы не знал. А тебя кормлю, кормлю, а ты...

Назис опять подергал за бечевку, но результат был тот же.

– Тьфу! – плюнул он в сердцах в воду. – Чем я тебе не угодил? Лошади мало показалось? Может, тебе собаку или козу нашу притащить?... Ты скажи, мне не жалко. Только шкуру я себе оставляю, на шапку. Моя совсем износилась. Молока коза почти не дает, у собаки зубы выпали – забирай обоих. Но сперва осетра мне пошли. Много не надо – одного...

Старый рыбак пытался по-хорошему договориться с речным богом, но тот или спал или не хотел помочь старику. Ругая его последними словами, Назис принялся вытягивать бечевку и укладывать в долбленку.

Его лодка, сделанная много лет назад, еще вместе со старшим сыном, была привязана к тяжелому донному грузу у края осетровой ямы. Рядом кружила речная вода, затягивая в омут кору и щепки. Яма была глубокой, и выпави Назис из лодки, навряд ли выбрался бы на берег. Речной бог суров к людям, нарушающим его покой. Даже сохатыми не брезговал, коль они попадали в омут-ловушку, С ним нельзя ссориться.

Но Назис, огорченный впустую проведенным днем, припомнил хозяину реки все обиды.

– Всем расскажу, какой ты жадный. Слышишь? – Но из омута неслись лишь слабые побулькивания, да вода ласкала близкий берег, оглаживая его, как молодая жена любимого мужа. – Нечем мне сегодня тебя угостить, морда твоя поганая! Что, ты хуже меня голодный? На вот, жри! – И Назис в отчаянии кинул в воду собственную овчинную шапку. Та, быстро намокая, отплыла от лодки, но старик тут же спохватился, что старуха припомнит ему и эту потерю, и притянул шапку веслом к себе.

– Ладно, добром тебя прошу: не дашь осетра – не получишь больше угощений от меня. И другим рыбакам накажу, пусть на озеро идут, а ты голодный сиди. Дашь осетра? – Назис в очередной раз сменил наживку и закинул снасть в воду.

В это время с противоположного берега послышались громкие голоса, и кто-то тяжело плюхнулся в воду. Назис вздрогнул и поднес ладонь к морщинистому лбу, пытаясь разглядеть, что происходит на той стороне. И хоть его глаза уже плохо служили ему, но различили густые клубы дыма, поднимающегося над лесом. Даже запах гари донесло ветром до старого рыбака.

– Чего ж это такое творится?! – С беспокойством закурил он тощей жилистой шеей. – Неужто охотники лес запалили? Не должно быть. С ними наш хан, он баловаться не позволит. А для костра дыму много...

Тут он увидел стаи лесных дроздов, громко свистящих и пересекающих реку невдалеке от его долбленки. За ними пронеслись недружным строем насмерть перепуганные чирки, а следом и тяжелые селезни, натужно хлопая крыльями, перевалили через реку.

– Однако, большая беда пришла, – запричитал Назис. Старческие руки, обтянутые дряблой желтой кожей, затряслись, задрожали, не слушаясь хозяина. Зазвенело тонким комариным звоном в голове, сильнее замигали глаза, проник в грудь леденящий холод. – Беда, большая беда, – повторял он одно и то же и начал выбирать бечевку, чтобы скорее плыть в селение, известить о лесном пожаре всех соплеменников.

Бечевка сперва легко пошла вверх, но вдруг словно зацепилась за что-то и резко потянула обратно, сорвала кожу с рук.

– Что за напасть? – удивился Назис. – Коряг здесь не должно быть, или принесло откуда? – Но тут лодку так тряхнуло, что старик чуть не вывалился за борт, а бечевка, разматываясь и струясь через борт, резко натянулась и пошла в сторону от берега.

– Осетр! – заорал старик. – Услышал меня речной бог, послал осетра моим внучатам на ужин! Сжалился над старым Назисом! Какой гость, какой гость пожаловал, – ласково зашептал он, закрепляя бечевку на носу лодки. Потом отцепил долбленку от груза, удерживающего ее, и начал остроконечным изогнутым посередине веслом выгребать в сторону от омута, направляясь к берегу.

Но омут и осетр на конце бечевы тянули его с удвоенной силой к себе, словно хотели поиграть со стариком, померяться силами, посмеяться над слабым человеком. У старика напряглась спина и весло замелькало в руках, выталкивая лодку с опасного места.

– Шалишь, меня так не возьмешь! Рано мне к тебе в гости, речной хозяин, рано. Я не дохлая кобыла, не дамся... – И Назис с удвоенной силой заработал веслом.

Безветрие было на руку старику, и он постепенно выгребал со стремнины, приближая лодку к берегу.

Осетр же изо всех сил рвался на глубину, не давая рыбаку ни малейшей передышки. На морщинистом старческом лбу вздулись синеватые вены, обильно высыпали бисеринки соленого пота, вереницей побежали к переносью и сквозь редкие волоски седых бровей проникали в слезящиеся глаза.

Назис тряс головой, сердито сбрасывая со лба соленую влагу, не рискуя выпустить весло из рук, и лишь иногда локтем утирал взмокшее лицо.

Берег медленно приближался к лодке...

Казалось, что именно берег, а не лодка, прикованная к воде, к ощерившейся пасти омута, постепенно надвигается на рыбака. Единоборство старика и хозяина реки, давнего должника старого Назиса, постепенно выигрывал человек. Наконец, старческие глаза начали явственно различать береговую отмель, лужицы воды на ней и бесстрашных куличков, снующих по мелководью. Назис глубоко вздохнул и едва не пропустил очередной рывок осетра, который также почувствовал приближение берега и рванулся из последних сил, едва не перевернув долбленку. Старик зло выругался, выровнял лодку и, вскинув голову, различил невдалеке от омута несколько людских голов, невесть как оказавшихся в реке.

Их появление Назис воспринял как угрозу лично себе и пойманному осетру, которого пришельцы непременно отберут у него. У бедного рыбака врагов всегда больше, нежели друзей.

«Сколько их, чьи это люди?» – пронеслось в голове у старика, но не было времени на предположения, ослабевший осетр уже покорно тянулся за лодкой, не противясь своей участи; устал и бог реки, отпустивший рыбацкую лодку, и берег... долгожданный берег был совсем рядом, рукой подать.

Назис уже представил, как появится на пороге своей землянки с пойманным осетром на спине, как радостно завопят при виде рыбины голодные внучата, уважительно зацокает языком старуха, улыбнется просветленными глазами.

И вдруг... Глухой крик захлебывающегося в воде человека раздался со стороны омута. Торопливо крутнув головой, Назис увидел, что один из пловцов втягивается мощными струями водоворота в воронку и беспомощно бьет руками по воде, пытаясь вырваться из охвативших его щупальцев водяных струй. Но силы их были неравны, и участь пловца не вызывала сомнений.

Омут только что упустил долбленку старика и теперь желал возместить потерю неожиданно подвернувшейся жертвой. Он несколько раз перевернул тело пловца, словно запеленывая его в кокон водяных струй и брызг, покрывая несчастного белесым саваном, затягивая в самый центр воронки.

Назису тут же вспомнился его младший сын, утонувший в реке две весны назад. Он так же кричал, звал на помощь, боролся из последних сил и погиб совсем молодым.

– Ой-й-й! – вскричал Назис. – Как мой парень, такой же молодой и красивый! Ой, жаль парня! Зачем ты такой злой?! – обратился он к богу реки. – Зачем такой жадный?! Забирай своего осетра! – И, выхватив нож, ударил по бечеве, в несколько взмахов веслом развернул лодку в сторону омута, где мелькала мокрая голова парня.

Чуть не доплыв до водоворота, рыбак кинул пловцу конец веревки и направил долбленку по течению, чтоб река помогла вырвать юношу из смертельных объятий водяного хозяина. Тонущий подхватил веревку одной рукой, второй продолжал грести и, медленно подтягивая свое тело, выбрался из бурлящей воды на спокойное течение. Вскоре он уже сравнялся с лодкой, ухватился за борт и благодарно поглядел на старого рыбака.

– Спасибо, отец, спас меня, – прошептал синими губами.

– Спасибо, спасибо... – забурчал тот. – Чего полез сюда? Разве не видел, как крутит. Сейчас кормил бы рыб на дне, коль не я. А из-за тебя такого осетра упустил! Чем теперь внучат кормить буду? Старуха домой не пустит, – сокрушался Назис.

Парень медленно плыл рядом с ним, держась одной рукой за борт и подгребая второй. Только теперь старик заметил, что щека у него поранена, и из раны сочится кровь. К спине у воина был привязан колчан со стрелами и вложенная в него одежда. Это был совсем молодой парень, не переживший и двух десятков весен.

Вдруг он испуганно выкинул свободную руку в сторону берега и прошептал:

– Эй, отец, греби от берега, глянь-ка...

Назис повернул голову и различил силуэты нескольких всадников, скачущих в их сторону.

– Так чего испугался? Не ваши разве будут? Не нукеры хана Едигира?

– Да степняки это, сарты¹² пришли!

– Откуда им тут взяться, сартам? Я бы знал...

– Знал, знал... – передразнил его парень. – Узнаешь еще. Гребь скорее на середину, чего уставился?

Старый Назис торопливо погреб в сторону от близкого берега, и вскоре они нагнали остальных пловцов, так же напряженно всматривающихся в сторону берега. Тяжело дыша, они подплыли к лодке и, осторожно держась за борта, начали тихо переговариваться меж собой. Из их слов Назис понял, что хан Едигир захвачен в плен, и теперь всем им угрожает опасность.

– Старик, – обратился к нему один из пловцов с рябым лицом от старых ожогов, – будем плыть, сколько хватит сил, может, отстанут проклятые сарты. А нет, такждемся темноты и перехитрим их.

– Так на ту сторону перебраться, там не достанут, – вставил было свое слово старый рыбак.

– Мы только что оттуда, а нам на эту надо. Понял?

Старик мелко заморгал выцветшими глазами и не стал возражать. Ему стало совсем тошно от всего случившегося с ним за день. Сперва полдня ждал клева, а потом упустил такого осетра... Теперь еще в довершение всего сарты объявились. Может, уже и его селение разграбили?

Меж тем всадники, что медленно сопровождали лодку и пловцов вдоль по берегу, попробовали направить коней в воду. Но животные упрямылись, и они оставили эту попытку, выдернули из-за спины луки и метнули несколько стрел в беглецов. Но те упали далеко в стороне, и степняки прекратили неудачную стрельбу.

– Они будут ехать за нами, а потом все равно схватят, – уныло проговорил спасенный стариком юноша, потерявший много сил в борьбе с водоворотом.

– Молчи, Сабар! – грубо оборвал его рябой. – Не будь бабой, что горшок с кашей разбила. Живьем все одно не дадимся.

– Выкрутимся как-нибудь, – поддержали его остальные, – не в первый раз. И не в такие переделки попадали.

– Да мне чего, я как все, – грустно ответил тот.

И тут старый Назис, которому также не терпелось отделаться от неожиданных спутников и скорее вернуться домой, решил вставить свое слово.

– Я вам вот что скажу, послушайте меня. Надо ближе к берегу сейчас подплыть, и можно будет обхитрить сартов.

– Это как же? – насторожились пловцы.

– А так. Скоро в Тобол речка маленькая впадать будет, а берега у нее топкие, коням не пройти, – он махнул рукой в сторону всадников, неотрывно следующих за ними, – они кинутся в объезд. Вы тогда из реки выберетесь и – в лес. Он там близехонько. И вам хорошо, и я домой вернусь. – И старик, довольный, обвел всех слезящимися глазами.

Те же, выслушав его, не проронили ни слова, поглядывая друг на друга.

– Ладно, дальше видно будет. Доплыть еще надо, – ответил за всех рябой, недобро сверкнув глазами.

Вскоре река сделала поворот и вслед за ним показалось устье небольшой речушки, о которой и говорил старый Назис. Всадники, которые чуть опередили плывущих, заволнова-

---

¹² Сарты – оседлая часть тюркоязычных племен в междуречье Сырдарьи и Амурдарьи.

лись, загомонили и стали размахивать руками, постоянно поглядывая в сторону лодки, уже миновавшей устье реки.

– Выгребай на середину! – неожиданно скомандовал рябой. – Пусть думают, будто мы дальше поплывем.

Старик направил лодку в сторону от берега, и столпившиеся перед топким берегом всадники, боясь упустить их, повернули коней в объезд.

– Вот этого-то нам и надо, – удовлетворенно проговорил рябой, а вслед за ним заулыбались и остальные. – Подгребай осторожно к берегу да поглядывай, чтобы проклятые сарты не вернулись. Давай, давай...

Как только лодка ткнулась в песок и пловцы выбрались на берег, Назис тяжело шагнул следом, держа руку за натруженную спину. Все четверо приплывших с ним воинов начали выжимать мокрую одежду и торопливо натягивать ее на себя. Старик опустился на песок, поглядывая на стертые до кровавых мозолей ладони. Тут к нему подошел рябой, бывший старшим среди остальных нукеров.

– Лодку мы у тебя, отец, заберем. Она нам сейчас нужнее будет. Ты уж доберешься как-нибудь.

– Да куда же я без лодки? – выкинул к нему обе руки старик. – И не порыбачу, и сарты меня схватят без нее...

– Нужен ты им! – проговорил тот и повернулся к парню. – Поплывешь на лодке в Кашлык. Нужно предупредить всех, если мы не дойдем. – Парень кивнул и пошел к воде, молча подобрал лежащее на песке весло.

Назис, не помня себя, бросился следом, уцепился за сделанное им собственноручно весло, но парень грубо вырвал его и оттолкнул долбленку от берега.

– Я же спас тебя! – закричал в спину ему старик. – А ты, а вы... хуже сартов! Такие же, как они...

– Замолчи, старик, а то в самом деле их сюда накликаешь, – угрюмо проговорил рябой и пошел вслед за остальными, уже спешащими к лесу, нукерами.

– Да будьте вы все прокляты! Чтобы ваши глаза вороны выклевали! Чтоб детей своих не увидели никогда! Вы еще попомните старого Назиса, – посылал им вслед страшные ругательства рыбаки.

Но те даже не обернулись, будто и не слышали его проклятий, а спокойно скрылись в лесу. И тогда Назис горько заплакал, утираясь шапкой, понял, что сегодня он потерял большее, нежели лодку...

Ночь двух дыханий

Связанного Едигира увозили из горящего леса на лошади. Проезжая, он видел своих нукеров, лежащих со стрелами в груди, а рядом убитых степняков. Теперь их поглотит лесной пожар, соединит вместе пепел, развеет по обгорелому лесу.

Едигиру подумалось, что, вероятно, и его ждет столь же бесславный конец вдали от друзей, и ханский шатер перейдет в чужие руки.

Несколько раз на тропу выскакивали испуганные зайцы, шмыгая меж лошадиных копыт. Чуть в стороне, мелькнув рыжим боком, пробежала осторожная лиса. Серыми тенями промчалась пара волков, злобно глянув на людей, будто обвиняя их в лесном пожаре. И далеко в стороне, громко трубя, ломая валежник, прошла лосиная семья, спешно пробираясь к реке. А над головой прыгали с ветки на ветку, не желая спускаться на землю, рыжие белки и темно-коричневые соболи.

Наконец сотня Кучума выбралась на берег Тобола и торопливо начала переправу на другую сторону. Там их поджидали остальные сотни и приветствовали радостными криками, подбрасывая высоко вверх копьа и луки.

Алтанай первым подошел к лодке, в которой переправляли Едигира. Внимательно глянул на него и что-то сказал двум нукерам, сопровождающим его. Связанного хана потащили на край лагеря, где, как куль с песком, бросили на землю возле рваного и замызганного воинского шатра. Тут же поглазеть на пленного сбежалось десятка два любопытных, отпускающих злобные шутки насчет его участи. Но Едигир лежал молча, стараясь не слышать их слов, отвернув лицо к грязному пологу.

Наконец за ним пришли и, поставив на ноги, развязали стягивающие запястья ремни. Едигир шел через лагерь, прикидывая, что в нем никак не меньше десяти сотен воинов, а с такой силой... Но мысли его были прерваны ударом в спину, и, повернув голову, он увидел, что один из степняков запустил в него своим сапогом и теперь громко хохотал, тыча в его сторону пальцем.

– Завтра я попрошу нашего хана, чтобы он разрешил мне накинуть веревку на твою шею! – закричал он, довольный своей выходкой.

Засмеялись, заулюлюкали и остальные, выказывая свое превосходство.

Но тут Едигира подвели к группе сидевших у небольшого костерка людей, выделявшихся среди прочих богатым оружием и суровостью лиц. В центре сидел тот, с кем Едигир совсем недавно скрестил свое копье.

– Сегодня свершилось то, что по воле Аллаха должно было произойти давно. Ты, – говоривший направил руку в сторону понуро стоящего Едигира, – самовольно занял место, по праву принадлежащее моему роду. Когда-то на этих землях мой дед, хан Ибак, был вероломно убит твоими родичами. Но Аллах велик, и настал день, когда мне, прозванному Кучумом, сыну законного правителя Бухары, хана Муртазы, выпала удача восстановить справедливость.

Он обвел взглядом сидящих вокруг него юзбаши, и те согласно закивали головами, повторяя:

– Пришло время... Наша земля... Наш род...

– Признаешь ли ты это? – Кучум ткнул пальцем в сторону одиноко стоящего перед ними Едигира.

Тот зябко повел широкими плечами и презрительно ответил:

– Однажды волк вола спросил, чью он воду пил? Тот ответил, что из реки, а волк его за то и зарезал, дескать, лишнего выпил, ему мало оставил. Так и ты меня спрашиваешь. Я тут родился, тут жил, свою воду пил. Меня старейшины и ханом своим выбрали, у Бухары не спросили. Сегодня твоя взяла, значит, и ханский шатер твой.

Но Кучуму и юзбаши его ответ не понравился, и они громко закричали, пытаясь перекричать один другого:

– А не ты ли к белому царю послов отправлял?...

– Не твои ли нукеры зарезали наших шейхов, что пришли обращать твой народ в истинную веру?...

– Русский выкормыш! Убить подлую собаку! – летели обвинения в его сторону.

– Вот видишь, – Кучум властным взмахом руки прервал крики, – мои люди недовольны тобой. Что скажешь? Признаешь ли мою власть?

– Ветер дует, собаки лают, а караван идет, – Едигир небрежно сплюнул под ноги, – время покажет, чья власть сильнее.

– А тебе неизвестно, что белый царь уже взял Казань, завоевал Астраханское ханство и сюда доглядывает? – прищурился Кучум. – Пришло время объединиться народам Ак-Орды и Кок-Орды. Кипчаки и булгары должны встать под зеленое знамя пророка Магомета и возродить величие Джучиева улуса! Сибирский народ был и есть единый народ, всегда плативший дань лишь одному хану. Московский царь Иван нам не указ! Его предки получали ярлык на правление из рук моих предков. И так тому быть!

– Быть тому! – снова заорали юзбаши.

Едигир заметил, что многие из них сильно пьяны, и понял, что жить ему осталось совсем ничего. Он повел головой по сторонам и заметил опирающегося на копьё справа от себя воина, приведшего его сюда. Едигир сделал несколько осторожных шажков в его сторону и неожиданно пнул изо всех сил того ногой в живот, выхватил копьё из его рук.

– Так быть тому! – громко крикнул он, взмахнув копьём, нацеленным в сторону Кучума. Но бросить ему не удалось. Волосной аркан опустился сзади на его шею и поверг на землю. Тут же на Едигира навалилось сверху несколько человек, начали пинать, колотить, выламывать руки. Потом все отскочили в стороны, и над ним склонилось злое лицо ханского палача черкеса Мираба. Он снял с пленного аркан и отступил в сторону. Послышался свист ремennого кнута, и тело лежащего Едигира прошила жгучая боль. Удары сыпались с одинаковой последовательностью, пока он не потерял сознание. Потом его облили водой, и он услышал резкий голос Кучума:

– Ты признаешь меня своим правителем?

– Лучше убей, – простонал Едигир.

– Успеешь еще, – ответил тот и скомандовал: – Уберите его. Завтра утром он получит свое. Стеречь, как свою невесту до свадьбы! – кивнул Алтанаю и ушел к себе в шатер.

Едигира потащили обратно на край лагеря, где и бросили, связанного по рукам и ногам, всё возле того же рваного шатра. В лагере слышались радостные крики подгулявших степняков, празднующих свою первую победу на Сибирской земле.

Едигир лежал на спине с открытыми глазами, уставившись в медленно темнеющее осеннее небо и думая о тех, кто остался в Кашлыке. Смогут ли они отразить набег степняков из Бухары? Успеет ли Рябой Нур известить их? Объединятся ли беки вокруг его брата Бек-Булата? Поможет ли им московский царь Иван?

По всему выходило, что надеяться особо не на кого. Но Бек-Булат, всегда спокойный и рассудительный, сможет укрепиться в Кашлыке и продержаться до подхода ополчения.

Бек-Булат, его сводный брат, рожденный от женщины кипчакского рода, с детства был хромым на правую ногу. И хотя не вышел из него воин, зато славился он своим звучным голосом и умением слагать песни. Ни один праздник не обходился без него, прославленного певца.

А еще умел брат лечить людей травами и заговорами, узнав от матери тайны ее народа. Но больше всего любил Бек-Булат возиться с железом и часто гостил в селении у кузнецов, что жили по речке Сибирке рядом с Кашлыком. Они же научили ханского сына отыскивать на болоте железную руду и выплавлять из нее железо.

Старейшины уважали Бек-Булата, и когда Едигир подолгу отсутствовал в походе или на медвежьей охоте, младший брат вершил суд на ханском холме, советовался со старейшинами, строил укрепления вокруг Кашлыка.

Едигир улыбнулся, вспомнив о Бек-Булате, который всегда спешил, припадая на правую ногу, к воротам встретить его, возвращающегося из похода. Подолгу расспрашивал обо всем, что произошло с ними в походе, лечил настоями, мазал раны. И все было бы хорошо, если бы не прошла меж ними женщина, ставшая вскоре женой Бек-Булата и родившая ему сына. После этого Едигир все реже и реже появлялся на ханском холме, пропадая на охоте...

С одним из караванов привезли купцы необычный товар – молодую девушку – и продали ее Юнус-баю за связку соболей. И хотя было у того две жены, но не утерпел, взял еще одну, в наложницы. Только вышла у него осечка с молодой наложницей – сбежала она от своего хозяина, не дожидаясь ночи.

Кликнул тот нукеров, вскочили на коней и кинулись в погоню. Как назло, беглянка выбрала лучшего скакуна и, зная она дорогу, не видать бы Юнус-баю ее как своих ушей. Только спрямил он с нукерами путь и вышел на беглянку сбоку, наперерез, отрезая от леса.

В это время впервые и увидел девушку Едигир, возвращающийся с соколиной охоты. По самой кромке речного обрыва стлался в беге карий жеребчик, на котором, пригнувшись, сидела та девушка в развевающейся черной накидке. Следом неслись люди Юнус-бая, громко гогоча. Хозяин пообещал отдать на ночь пойманную девушку тому, кто первый схватит ее.

Едигир, привстав на стременах, следил за погоней и вдруг, не выдержав, подхлестнул своего коня и кинулся вдоль леска в сторону реки. Конь вынес его к обрыву и в несколько скачков настиг пригнувшуюся к седлу девушку. Едигир пытался разглядеть ее лицо, но оно было закрыто от посторонних взоров черным платком, оставившим открытыми лишь большие черные глаза.

Девушка, увидев догнавшего ее Едигира, не испугалась, а что-то зло крикнула и хлестнула молодого хана плетью по лицу. Удар был не силен, но конь под Едигиром, испугавшись плети, рванулся в сторону и едва не вышиб хозяина из седла. Девушка не стала мешкать и, увидев небольшую ложбинку, ведущую к реке, направила своего скакуна вниз.

Когда подъехали ханские нукеры и люди Юнус-бая вместе с хозяином, она уже плыла через Тобол, придерживаясь одной рукой за конское седло.

– Откуда такую дикую девку взял? – поинтересовался хан у налившегося бессильной злобой Юнус-бая.

– Купил на свою старую башку! – отозвался тот.

– Продай мне, тебе она, видать, не по силам – бежит быстро.

– А догонишь ли?

– Коня догоняю, а ее и подавно.

– Так что дашь за нее?

– Вот коня и бери, – и Едигир легко спрыгнул со своего взмыленного скакуна.

– Хорош конь, – согласился тот. – А не жалко?

– Смотри, я два раза не предлагаю. Иначе так девку заберу!

– Ладно, согласен, – вздохнул облегченно Юнус-бай, принимая поводья.

Едигир подошел к беку Умару и похлопал по крупу его кобылу, усмехаясь:

– Слушай, ты мой старый друг, уступи свою кобылку. На ту сторону реки, надеюсь, она доплывет.

– Чего ты задумал, Едигир? И охота в реке мокнуть?

– То мое дело. Так уступишь кобылку? Вернусь – отдам.

– Бери, конечно, но пустое дело ты затеял. Или наших девушек мало?

– Не твое дело! – вскипел Едигир, сдернув друга на землю. Затем взял его кобылку под уздцы и спустился по логу к реке.

Дойдя до кромки воды, он оглянулся, окинув взглядом столпившихся там всадников и, махнув рукой, вошел в воду...

Воспоминания Едигира были прерваны громкими голосами охранников, о чем-то споривших друг с другом. Ночь уже в полную силу гнала своих вороних коней по сибирскому небосводу. Искорки-звездочки, выбиваемые копытами небесных коней, обильно сыпались вокруг. Желтый глаз другого небесного богатыря неотрывно глядел сверху на людей, выбирая очередную жертву. Бог тьмы вышел на свою охоту, чтоб схватить одинокого путника на лесной тропе, украсть девушку для своего гарема.

Едигир вслушался в голоса двух охранников, рассказывающих один другому о своих приключениях. Именно ночью человека всегда тянет на откровенность, хочется рассказать что-то тайное, заповедное.

И Едигиру вспомнилась первая девушка, что пришла в его шатер по приказу отца. Ее взяли в уплату за долги у какого-то бека с далекого лесного озера. Сам ли отец отдал ее сибирскому хану или силой привезли нукеры на ханский холм, то Едигир не знал.

Кабира, так звали девушку, робко вошла в его шатер вечером и села у входа на кошму. Едигир долго смотрел на нее, не зная как начать разговор. Потом велел подойти ближе и протянул ногу, обутую в сапог. Кабира неловко ухватила за голенище, пытаясь стянуть тесную обувь. Едигир внимательно смотрел на ее неловкие движения, на тонкую напряженную спину, закусенную губу и чувствовал, как желание переполняет его жаркой волной, подступая к горлу.

– За пятку тyani, дура! – сипло проговорил он.

Девушка торопливо схватила за пятку сапога и, упираясь коленями в землю, стянула его. Со вторым пошло легче. Затем она принесла медный таз и из кунгана¹³ обмыла ему ноги, вытерла мягкой тряпицей.

– Подай вина! – потребовал он.

Руки Кабиры мелко дрожали, когда она лила вино в пиалу из узкого горлышка глиняного кувшина.

Едигир жадно выпил вино, не отрывая глаз от девичьей талии. Она боялась встретиться с ним взглядом, и он снова потребовал:

– Посмотри на меня!

Кабира глянула и тут же опустила глаза.

– Петь умеешь?... Тогда пой. Можешь налить себе вина.

Она сделала несколько глотков и закашлялась. От смущения краска залила ее смуглые щеки и глаза увлажнились. Потом она запела тонким чистым голосом. Едигиру песня не понравилась, слишком грустная.

– Меня другим не учили, – наконец услышал он ее голос.

Тогда он еще налил себе вина уже сам. Полную пиалу. Жадно выпил и, схватив Кабирову за руку, потянул к себе. Она почти не сопротивлялась. Трясущимися пальцами распахнул халатик и обнажил маленькую упругую грудь, провел пальцами по соску, сжал, как спелую ягоду, будто ожидал, что из него брызнет сок.

– Больно, – произнесла она и попробовала убрать его руку.

Но он отбросил в сторону тонкую слабую кисть и впился зубами в коричневый сосок, побуждаемый к тому извечным инстинктом самца, привлекаемого к самке терпким запахом ее тела. Она вскрикнула, оттолкнула голову парня. Это движение только распалило его, разожгло и без того рвущуюся наружу страсть и, уже ничего не помня, не соображая, он повалил девушку на кошму, рвал зубами, руками одежду, отбрасывал тонкие пальцы со своего лица. Потом придавил ее сверху и, глухо рыча, начал искать выход своим чувствам, сотрясаясь всем

---

¹³ Кунган – металлический кувшин с длинным носиком, ручкой и крышкой (тюрк.).

телом. И лишь когда теплое блаженство разлилось по низу живота, дошло до висков, сжало челюсти, он впился губами в девичью шею и замер, не слыша ее крика.

Кабира, вытерев слезы, покорно принесла кунган, обмыла его, освободила от одежды и легла рядом, надвинув мягкие шкуры.

– Глупый, – прошептала в самое ухо, – зачем так спешил? Я же не убегу никуда...

– Замолчи, дура! – вскинулся он и, торопливо натянув на себя халат, выскочил из шатра.

Три дня пробыла Кабира в его шатре, а потом Едигир куда-то уехал. А вернувшись, уже не нашел ее в ханском городке. Отец, смеясь, что-то ответил, и вечером появилась другая девушка. Все они потом приходили сами, по приказу отца, не смея ослушаться. И Едигира бесила эта покорность, выводила из себя. Он специально мучил их, пинал ногами, заставлял выполнять самое унижительное, но никто из них не сказал и слова, а лишь плакали украдкой, пряча лицо в платок.

Может, потому и не хотел он брать себе жену из числа девушек, для которых его желание было превыше всего. А ведь многие беки зазывали его в свои улусы, намекая на красоту их дочерей.

Нет, ему нравилось гнаться на лыжах за сохатым, в котором не было и намека на покорность судьбе. Зверь сопротивлялся до последнего, норовя поднять человека на большие кустистые рога. Утробно ревел, бил копытом, метался меж охотниками и умирал, гордо подняв к небу голову.

И вечером после охоты Едигир устало лежал на пахучих шкурах и смотрел через отверстие полога, куда уходили, клубясь, тонкие языки дыма, на искрящиеся в зимнем небе звезды и думал, что настоящий мужчина должен жить один, как один живет лесной зверь...

Но когда на берегу реки он нагнал убегающую от преследователей девушку, с закрытым наполовину лицом, и получил от нее удар плеткой, то увидел в ее глазах ту непокорность и страсть, не встреченную до сих пор. Может, потому и полез в реку, погнался за ней, чтоб еще раз увидеть непокорные глаза, их злость, ярость. Впервые в жизни захотелось узнать ее имя и услышать свое, произнесенное чужими губами.

На той стороне практически сразу нашел следы коня Юнус-бая и поехал рядом с ними, вглядываясь в густые кусты тальника, подступающие к самой реке. Вскоре берег начал понижаться, и он выехал к старому руслу Тобола, заросшему осокой с высокими кочками и сплетенными меж собой тальниковыми кустами. Лошадь начала увязать по самые бабки, и он вынужден был спрыгнуть на землю и пошел, аккуратно ступая на кочки, перепрыгивая с одной на другую. Для безопасности подобрал с земли длинный шест и проверял им наиболее топкие места.

Вскоре он услышал гортанный голос беглянки, громко кричавшей на кого-то. Раздвинув кусты, он невольно улыбнулся; конь, на котором она ехала, лежал брюхом на земле, выкинув передние ноги перед собой; а девушка, громко крича, хлестала его тонким прутиком. Но тот лишь стриг ушами и вздрагивал под ударами, не желая вставать. Судя по всему, он не хотел лезть дальше в топь, но девушке было невдомек, что дальше и она может увязнуть вместе с конем.

Услышав его шаги, девушка отскочила в сторону, выставив перед собой руку с небольшим кинжальчиком.

– Не подходи! – закричала она, коверкая слова.

– Нужна ты мне! – отмахнулся Едигир. – Коня вот жалко.

Проваливаясь по колено в тягучую жижу, добрался до повода и дернул несколько раз. Конь жалобно глядел на него, но даже не попытался пошевелиться. Тогда он взял шест, подsunул его под конское брюхо и позвал:

– Ну, давай...

Из кустов тихо заржала кобылка Умара, и конь вырвал задние ноги из трясины, повернув голову на ее голос, потихоньку пополз обратно. Наконец он зацепился передними копытами за твердую почву и тяжело встал, весь заляпанный зеленой тиной, в клочьях ряски, дрожа всем телом и вытянув вперед голову, побрел к кобылке.

Едигир шел следом, понимая, что девушка не убежит через болото и рано или поздно подойдет к нему. Так оно и вышло, когда он, ополоснувшись в реке, разжигал небольшой костерок из сушняка, обильно разбросанного водой по берегу.

Уже окончательно стемнело, и где-то в кустах раздавались голоса перекликающихся птиц и зверей. Верно, эти звуки и выгнали девушку к костру. Она протянула к огню обе руки, ни слова не говоря, долго стояла, вглядываясь в пляшущий огонь. Едигир протянул ей позаимствованные из седельной торбы Умара кусочки копченого мяса, но она шарахнулась в сторону, словно в руке у него была ядовитая гадюка.

– Не хочешь, так и не ешь, – хмыкнул он презрительно, но все же положил мясо на бревно, на котором сидел сам. Потом, немного помолчав, спросил: – Может, скажешь, как тебя зовут? Меня – Едигир. Поняла? А тебя?

Но девушка молчала, по-прежнему прикрывая черным платком нижнюю часть лица, и лишь большие черные глаза светились в отблесках костра, как два уголька.

Едигир поймал и стреножил свою кобылку, надеясь, что жеребчик и так не уйдет один, и вернулся к костру. Девушка торопливо проглатывала мясо, оставленное им на бревне. Он хмыкнул и сел рядом.

– Что? Проголодалась, видать, так ешь, пока дают. А вот верну обратно твоему хозяину, он так тебя накормит... Долго вспоминать будешь.

Глаза девушки вспыхнули огнем, и она, выхватив из-за пояса свой кинжальчик, взмахнула им, показывая, что убьет себя.

– Он мэнэ бил... – проговорила она с сильным акцентом.

– Видать, плохо бил, коль в бега подалась. Так как тебя зовут? Гюзель, Салиха? – Он назвал еще несколько пришедших на ум имен, но девушка молчала. Наконец, чуть слышно произнесла:

– Зайла мое имя...

– Имя как имя, – ответил он, – красивое вроде. А сама откуда?

Девушка неопределенно махнула рукой в сторону, и Едигир понял лишь, что привезли ее издалека. Она слишком плохо говорила на его языке, и половина сказанного ею была ему непонятна. Из ее слов выходило, что ее отец – важный человек в Бухарском ханстве, – она несколько раз повторила: «Бухара, Бухара...» А ее похитили враги, чтобы продать.

– Ладно, Зайла-бике, что дальше делать будем? Теперь ты рабыня... К хозяину не хочешь идти, меня боишься. Что делать? – втолковывал он ей, как ребенку.

– Пусть ты мой господин будешь, – проговорила она тихонько, – если меня нехороший люди поймают, то убить могут. Ты – хороший...

– Это я-то хороший? Ну, спасибо. Удивила. Но раз я твой господин, то имею право дать тебе новое имя. Такой у нас закон. Знаешь, как я тебя назову? Сузге. Это значит стройная и воду любишь. Любишь ведь воду?

– Да, да, – закивала она головой.

– Вот и отлично, Зайла-Сузге. Пусть у тебя два имени будет. Согласна? А теперь иди ко мне. Ну, кому говорят!

Но девушка и не думала подчиняться. Соскочив с бревна, она кошкой отпрыгнула в сторону с зажатым в руке кинжалом.

– Нэ подходи! Зарэжу!

– Да куда ты денешься, сама придешь. – Едигир в сердцах плюнул и, бросив на землю попону, улегся у костра...

И тогда звезды на небе были такие же крупные и сочные, словно клюковки, выкатанные в снегу. Казалось, что они пели и смеялись, глядя сверху на молодого сибирского хана и его невольницу, вымененную за коня. Теперь она со своим мужем Бек-Булатом, его сводным братом, в Кашлыке. И это у нее на одежде он видел точно такие же узоры, как на пиале у пришедшего из Бухары сарта Кучума. Так кто же она, Зайла-Сузге? Ведь и ее купцы привезли несколько весен назад из Бухары...

В то далекое утро он проснулся от мягких прикосновений лошадиных губ и, приподняв голову, увидел две лошадиные головы, склоненные к нему. А рядом спала его Зайла-Сузге, положив на попону узенький кинжальчик в сафьяновых ножнах. Он переложил кинжальчик на землю и притянул девушку к себе. Повязка, которой она и во сне прикрывала лицо, сползла в сторону, и нежный рот полуоткрылся, губы тихо прошептали:

– Да простит меня Аллах, но я теперь твоя. Твоя наложница...

Потом он увез ее на дальнюю заимку и сделал своей постоянной спутницей на охотах. Она перестала прятать лицо под повязкой и мало чем отличалась в коротком тулупчике и круглой бараньей шапке от остальной свиты сибирского хана.

Так прошла первая зима после их знакомства, а по весне он ушел в набег на соседние взбунтовавшиеся улусы и вернулся лишь по первому снегу. Несколько раз вспоминал о Зайле-Сузге, но то были воспоминания о преданной собаке, которую лишь кликни, и она тут, рядом.

Прибыв в Кашлык, увидел светящегося радостью Бек-Булата и, обнявшись после рассказов о походе, поинтересовался у сводного брата о причине его радостного настроения.

– Так ведь я женился! Или тебе не передавали о том?

Едигир смутился, забыл в погонях и схватках об этой радости брата своего, что сделаешь, вылетело из памяти... Поздравил как мог. Поинтересовался, из чьего рода взял жену.

– Она приехала сюда издалека, и нет у нее родных, – ответил тот.

У Едигира железной иглой кольнуло возле сердца. Спросил имя.

– Зайла-Сузге ее зовут...

Дальнейших слов не слышал. Под благовидным предлогом исчез из Кашлыка, умчался вместе с полусотней таких же бездомных и неумных нукеров в охотничьи места за большие болота. Всю зиму провел там. Тосковал? Нет... Что-то как бы надломилось в нем.словно сухожилие какое перерезали внутри него и стал хуже двигаться, вялым сделался, как зверь со сна. Старался появляться в ханском городке, когда точно знал, что Бек-Булат со своим семейством отсутствует, чтоб не видеть сияющего, как начищенный казан, своего брата.

В ту же зиму Зайла-Сузге родила мальчика, названного Сейдяком. Едигир съездил к Юнус-баю и купил у того бывшего своего коня, что выменял за невольницу. Накрыв жеребца богатым ковром, привесил дедовскую саблю, что передавалась первенцу из рода Тайбуги, и отправил брату в подарок. А сам... сам опять пошел в набег, как только просохла Сибирская земля и копыта коней не проваливались, не увязали в болотистой почве.

А потом, вроде, и забыл про Зайлу-Сузге. Но ее черные глаза вспыхивали вдруг над речной водой, смотрели из ночного костра, тихий голос слышался в порывах южного теплого ветра. Забыл ли? Да, забыл, приказал сам себе. Или он не воин?! Не сын своего отца, который держал до сотни наложниц и десятков жен в гареме. Он – сын своего отца, но отвратили от женщин глаза Зайлы-Сузге, выжгли внутри частицу души и ничего с собой сделать уже не мог. Так и жил, как подсеченная весной береза, отдавшая сок земле и зеленеющая лишь частью листьев своих, с засыхающей кроной, чернеющая ветвями...

Совсем черным сделалось небо, а звезды росли, пухли блестящими гроздьями, весело перемигиваясь. Прямо над ним наклонил голову с ветвистыми рогами главный хозяин неба – Великий Лось. Низко пригнулась его голова, а значит, небесный хозяин воду ищет, пить хочет, жди скоро больших дождей.

Небесный шов разделил небо на две половины. Его зовут – Путь диких гусей. По нему вслед за дикими птицами пришел в страну болот народ Едигира. Немного их было, ослабли они за долгий путь свой. А тут встретило их племя злых карликов, что живут под землей. Взяли они в плен его народ, потащили под землю, в свои темные пещеры. Но сжалился над людьми небесный хозяин, Великий Лось, и отправил ворона Каргу с железным клювом, чтоб освободил людей, прогнал карликов обратно под землю. Выполнил ворон Карга приказ Великого Лося, освободил людей. Но с тех самых пор мстят карлики людям, выходя по ночам на землю, утаскивают женщин и молодых парней в свои подземелья, где у них подземные кузницы, откуда слышны гулкие удары молота по наковальне и нет выхода людям на землю.

Но зорко смотрят за людьми сверху Великий Лось и ворон Карга, даже ночью, чтоб не дать их в обиду. А утром распаиваются обе половинки небесного свода и уходят в свои жилища небесные хозяева.

В центре небо прибито крепко-накрепко железным колом – Темир-казы, вокруг которого и крутится всю ночь.

Пониже от него копошатся цыплята с наседкой, которая несет алмазные небесные яички, падающие на землю. Счастлив тот, кто найдет такое яйцо.

Над самой землей светится Чолпан – Пастушья звезда, по которой ищут дорогу домой все путники, ее имя славят певцы в своих песнях, самым красивым девушкам дают ее имя.

И кровавым светом светится Медная Стрела бога войны. Капли крови свисают с ее острия. Перед войной она всегда светит ярко и кроваво. Как и сегодня...

До Едигира долетели голоса охранников, что сторожили его у небольшого костерка, Их было двое. Едигир прислушался к словам, пытаясь уловить, о чем они рассказывают друг другу.

– Моего отца звали Кулбаш, рассказывал один с мягким, как у девушки, голосом. – Долго у него не было сыновей, все девки рождались... Вот раз пошли люди его рода в набег и принесли с собой оттуда ребенка, назвали его Ишбудлы. То был мой старший брат. На другое лето опять пошли они в набег и принесли другого ребенка. И опять отдали его Кулбашу. Он назвал его Ишкельды. Этим ребенком был я. Вот. Так мы и выросли с моим братом у своего отца, не зная настоящих родителей. А когда пошли в свой первый набег, то отец рассказал, как мы появились в его юрте. Он умер, не оставив нам ничего в наследство. Потому мы с братом и нанимаемся к тем, кто приглашает и хорошо платит.

– Да, хорошее у тебя имя, – отозвался второй, – и не важно, где ты родился. Главное, что хорошие люди тебя воспитали и вырастили. А когда я родился, то мой отец пригласил старого Коргуза из рода огузов, чтоб он выбрал мне хорошее имя. Коргуз подумал и сказал: «Пусть он зовется Томасы...» Мой отец удивился: «Почему Томасы?»

– Странное имя, – хмыкнул второй охранник. – Туман, Томасы можно сказать, да?

– Да, так меня и зовут теперь – Томасы. А тогда старый Коргуз сказал отцу: «Пусть ему имя будет Туман, потому что родился он в тумане. Ему легко будет спрятаться во время тумана, враг не найдет его в тумане. А вслед за туманом всегда приходит солнце». Так сказал старый Коргуз...

– Вернусь из набега – женюсь, – сообщил тот, кого звали Ишкельды. – Привезу из этого набега хороший калым и возьму себе хорошую девушку из знатной семьи.

– Зачем так долго ждать, можно и тут себе невесту найти, – смеясь, проговорил второй. – Видел, какие в сибирских селениях пухлые девушки? А как они смотрели на нас? Чего долго ждать?

– Как же... Башлык обещал каждого, кто из лагеря отлучится, на кол посадить. Нет, моя жизнь пока дорога.

– Да чего ты боишься? – наседал второй. – Их главного хана схватили, вон он лежит. Чего бояться, он никуда не денется. До селения рукой подать, а к утру обратно вернемся. Я, честно говоря, уже договорился с одной, чтобы вышла к речке и подружку для тебя прихватила. А?...

Они долго препирались друг с другом, потом подошли к Едигиру и внимательно осмотрели ремни, стягивающие его руки.

– Эй!.. – Едигир закрыл глаза, сделав вид, что спит. – Ты живой тут еще?... Может, ткнуть его кинжалом для верности? Тогда никуда не денется.

– Ладно, такие ремни и быка выдержат, а уж его подавно. Пошли, а то девки могут и не дожждаться. Что нам, с ним потом обниматься?

Оба тихонько засмеялись и пошли в сторону реки. Едигир открыл глаза и попробовал сесть. После нескольких попыток ему это удалось. Тогда он потянулся к ногам, чтобы разгрызть ремни. Но... даже до лодыжек не дотянулся.

«Неужели нет никакого выхода? Ведь это боги пришли мне на помощь и спровадили охранников отсюда. Что же дальше? Что делать? Как бежать?»

Он осмотрелся кругом, пытаясь разглядеть нож или саблю, но ушедшие воины все прихватили с собой. Тут взгляд его упал на затухающий костер. И вспомнился рассказ одного старика, которому удалось бежать из плена, засунув связанные руки в костер. Ремни обгорели, но руки... Руки старика с тех пор висели плетью. Он не мог удержать даже тонкий прутик в пальцах.

Едигира передернуло от мысли, что и он станет немощным стариком с высохшими руками. Не быть ему тогда ханом! Что за хан, если он и сабли в руках не удержит, с конем не справится? Стоит ли жить тогда?

И все же он пополз к костру. Переворачиваясь со спины на живот, медленно подкатился к кострищу и осторожно поднес ладони к горячим углям. От дикой боли изогнулся дугой, и тело само без его участия отскочило от костра. Едигир закусил нижнюю губу, чтобы криком не разбудить весь лагерь. Тело покрылось потом, напряглась и затрепетала каждая мышца. От собственного бессилия ему хотелось кричать, проклинать весь мир и подлю напавших сартов-степняков.

«О боги, почему вы отвернулись от меня? Великий Лось, неужели ты оставишь меня в лапах у них? Или ты не покровитель моего народа?...»

И тут со стороны леса громко прокричал филин. Через короткий промежуток крик вновь повторился.

– И ты предрекаешь мне смерть? – прошептал Едигир. – Ты вышел на ночную охоту и извещаешь об этом собратьев. Как мне известить своих?

Едигир крикнул, подражая ночной птице, и в ответ филин ответил глухим тяжелым уханьем. Но на этот раз ему послышалось в крике нечто, отличающее его от птичьего. Не было той частоты, да и не мог даже молодой филин отозваться на крик человека, отличил бы от настоящего, родного.

Сердце Едигира начало стучать столь гулко, что его мог бы услышать кто-то находящийся рядом. Ведь крик филина – обычный сигнал сибирских охотников! Может, ищут его, Едигира? Ведь Рябой Нур жив и не бросит его в беде. Он привел нукеров, и сейчас они кинутся на спящих сартов, освободят его! Он будет жить! Жить!..

Но крик смолк и больше не повторялся. Едигир прокричал еще раз и еще, рискуя разбудить кого-нибудь из спящих. Но время шло, а спасение не приходило.

Уже сдвинулся край небесной парчи, и солнечная рука готовилась раздвинуть полог небосклона. Один за другим исчезали небесные звери, уходя с ночного пастбища в свои чертоги. Торопливо засвистела малиновка, готовая выпорхнуть из лесных зарослей. По ногам Едигира карабкался рыжий муравей в поисках дороги к дому. И вдруг хан услышал сзади себя шорох.

Едигир стремительно повернул голову, ожидая увидеть возвращающихся охранников, но... по поляне спокойно пробирался здоровенный медведь. Фыркали пасущиеся на лугу лошади, почуявшие запах зверя, спеша убраться подальше, а медведь как ни в чем не бывало шел меж лежащих на земле людей.

Едигиру стало не по себе. Суеверный страх охватил его, и он упал на землю, чтобы ничем не выдать себя, раствориться в утренних сумерках, слиться с землей.

– То священный медведь... – прошептал он. – Наш далекий предок, отец всех людей. Он всегда приходит, когда плохо народу его. Но он и меня должен покарать! Ведь сколько его собратьев убито мной...

Так он и лежал, закрыв глаза и прижавшись всем телом к земле, пока животное, тяжело дыша, не остановилось над ним. Едигир почувствовал, как волосы зашевелились на голове, и открыл рот, чтобы крикнуть, когда чей-то голос произнес шепотом:

– Живой? Едва нашел тебя...

Едигир открыл глаза и увидел оскаленную медвежью пасть, но под ней различил человеческое лицо. И голос был до боли знаком и узнаваем.

– Нур! Рябой! – вскричал он, но тяжелая ладонь прикрыла ему рот.

Затем сверкнул кривой кинжал и освободились руки, ноги. Едигир поднес отекавшие руки к лицу, еще не веря в освобождение.

– Надо уходить, – прошептал Рябой Нур, – скоро проснутся. Можешь идти?

Едигир попробовал вскочить на ноги, но они, затекшие от ремней, не держали.

– Ладно, подождем чуть. Со мной двое нукеров, ждут вон у тех двух берез на опушке. Кони с нами. Доберешься сам? А я тем временем их коней пугну, чтобы в погоню не увязались. – И он сунул хану свой кинжал.

– Иди, – согласился тот, – мне тоже наведаться надо кое-куда. Не люблю быть должником.

– Понял. Встретимся у тех берез.

И вновь по лагерю, смешно переваливаясь, двинулся медведь, направляясь к пасущимся на лугу лошадям.

Едигир мямлил икры ног, молотил их кулаками, торопя загустевшую кровь вернуть жизнь всему телу, заставить его слушаться. Наконец встал и, неуверенно ступая, крадучись, пошел к стоящему посреди лагеря ханскому шатру.

– Сейчас, сейчас я с тобой попрощаюсь или не быть мне мужчиной! – шептал он в такт шагам. – Еще никто не уходил от меня, не заплатив за унижение! Или я не сын своего отца?!

Зайдя с обратной стороны шатра, он легко разрезал туго натянутую упругую ткань и шагнул в полутьму, вытянув вперед руку с кинжалом. Но шатер был пуст.

Едигир и не знал, что у Кучума была многолетняя привычка ночевать среди простых воинов, каждый раз меняя место ночлега. А шатер оставался пустым...

Едигир, не помня себя от бешенства, вспорол несколько попавшихся под руку подушек, перевернул кувшин с вином, растоптал пиалы с ненавистным ему узором и собрался уходить. Но тут в глаза ему бросился узкий чехольчик из голубой замши, висевший на центральном столбе. Он снял его, готовый разрезать на части, но перед этим все же развязал тонкие белые шнурки и обнаружил внутри тонкий свиток пергамента, покрытый черными значками арабской вязи. Не раздумывая, сунул чехольчик за пазуху и, крадучись, вышел из шатра.

– Хорошо, – проговорил он, оглядываясь, – мы с тобой все одно встретимся!

У двух берез Едигир нашел затаившихся нукеров, держащих в поводу коней, и только тут тяжело перевел дух, кинув взгляд на просветлевший небесный свод. Лишь Медная Стрела бога войны мигала возле самой земли, выбирая себе очередную жертву.

Со стороны луга послышался глухой медвежий рев и громкий топот сотен коней сотряс почву. Единой лавиной, тесня друг друга, промчались кони мимо них, а вскоре подбежал запыхавшийся Рябой Нур.

Четверо всадников, горяча коней, скакали вслед за табуном, пропадая в белесом тумане. А в спину им была нацелена Медная Стрела бога войны...

Шел месяц Шабан года Еланелы – года Змеи, вползающий в Сибирь тихо и неспешно.

Лицо жадного огня

Новый день начался для Кучума из рук вон плохо.

Сперва донесли о бегстве пленного. Затем, войдя в шатер, он обнаружил там изрезанные подушки и похищенную шежере – его родословную, восходящую наследственными ветвями к самому Чингиз-хану. Разъяренный, Кучум вышел из шатра и недобрым взглядом обвел весь лагерь.

– Собачьи дети с мозгами ишака! – взвизгнул он и принялся хлестать плеткой по лицам и спинам стоящих у шатра двух стражей.

В это время притащили Ишкельды и Томасы, что упустили ночью Едигира. Они упали перед ханом на колени, вытянув руки, и умоляли пощадить их.

– Милостивый хан, – жалобно лепетал один, – он оборотень. Точно я говорю – оборотень! У нас на глазах обернулся совой и улетел в небо.

– Что ж, – недобро усмехнулся хан, – сейчас и ты за ним отправишься. На небо!

– Светлейший хан, – попробовал заступиться за своих юзбаши Амир, – мои воины видели под утро бродившего по лагерю медведя. Похоже, этот сибирец умеет вызывать зверей из леса, а может, и сам оборотился в сову.

– Такая большая сова, с железным клювом и огромными крыльями, – вновь запричитал провинившийся. – Помилуй, хан! В смертники пойдем, но оставь жить!

Но Кучум был непреклонен после стольких свалившихся на него бед и махнул рукой черкесу Мирабу, чтобы кончал с ними.

Мираб с торжествующей улыбкой схватил обоих за шиворот и потащил к огромной березе, через сук которой тут же перекинул две петли.

Обреченные Ишкельды и Томасы не желали умирать и верещали, как пара свиней на базаре. Но черкес быстро накинул на них ошейник петли и бросил взгляд в сторону Кучума, ожидая знака к началу казни.

Но тут к хану приблизился Алтанай и что-то горячо зашептал на ухо. Следом подошел белый, как полотно, Сабанак, которому не приходилось еще наблюдать расправы над ослушниками.

Кучум выслушал башлыка, бросил быстрый взгляд на Сабанака и махнул рукой палачу, приказывая приостановить казнь.

К осужденным направился Алтанай и торжественно произнес:

– Милость нашего славного хана не знает границ. Он дарует вам жизнь, но чтобы искупить вину, пойдете в отряд смертников.

Ишкельды и Томасы испустили вздох облегчения, а к ним уже спешил воин с двумя черными повязками в руках. Повязки одели помилованным на головы, затянув сзади двойным узлом. Теперь они должны были носить их не снимая, пока не искупят своего проступка подвигом. Их отныне будут посылать первыми в бой и в разведку. Но они остались живы.

Кучум, все еще не обретший доброго расположения духа, резко приказал юзбаши выступать согласно разработанному плану: часть из них должна идти к Кашлыку и перекрыть дороги, а остальные пойдут на захват ближайших улусов. Возглавит их сам Кучум.

Совершив утренний намаз и наскоро перекусив, воины вскочили на коней, которых к тому времени вернули посланные за угнанным табуном нукеры. Ехали вдоль берега реки по едва заметной тропе, соединяющей друг с другом сибирские селения. Когда проехали часть пути, то открытая местность сменилась редким сосновым лесом, вольно раскинувшимся на песчаной почве. Копыта лошадей оставляли глубокие следы, и последние конники были окутаны уже густыми клубами пыли. Неприметная тропинка превращалась в широкую дорогу, на которой оставались круглые вмятины, будто гигантские градины иссекли землю.

В лесу перестроились по двое, и их колонна растянулась, движение замедлилось, все с опаской посматривали на ближайшие деревья, где могли скрыться в засаде стрелки.

Неожиданно передние замерли, остановились, задние конники наскочили на них, началась сумятица. Никто не знал причин остановки, и нервозность, владеющая всеми с утра, усилилась еще больше.

– Засада, засада, – передавалось по рядам, и вся колонна пришла в движение, прикрываясь щитами и ошестинившись копьями.

Но вскоре передали, что наткнулись на овраг, через который сломали мост, служивший переправой. Видно, сибирцы ждали их и уничтожили мост.

Пришлось искать объезд, часть всадников сумела перевести лошадей по дну оврага. Некоторые из них сорвались вниз, слышались крики, стоны. Но, даже преодолев эту незначительную преграду, измазанные в глине и раздосадованные степняки вскоре убедились, что неприятности лишь начинаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.